

сочиненій я входить не буду и упоминаю о нихъ только для полноты обзора литературы эпохи Просвѣщенія, энциклопедистовъ и романтизма, посвященной вопросу о происхожденіи языка. Какъ мы видимъ, изъ этого обзора, въ эту эпоху намѣтились три основныя направленія: эволюціонное, строившее мостъ отъ звѣринаго крика къ человѣческому слову, историческое, стремившееся отъ изученія структуры человѣческихъ языковъ восходить къ характеру первоначальнаго языка, и наконецъ, психологическое, полагавшее, что въ самомъ существѣ человѣческаго разума, у животныхъ отсутствующаго такъ же, какъ и языкъ, лежитъ непознаваемое далѣе начало человѣческой рѣчи. Всѣ эти построенія не столько сводились къ объективному научному изслѣдованію вопроса, какъ такового, сколько исходили изъ философскаго міровоззрѣнія ихъ авторовъ, и потому именно они изложены въ совокупности своей въ настоящей главѣ.

ГЛАВА XVI.

Дальнѣйшее развитіе ученій о происхожденіи языка (въ 19-мъ и началѣ 20-го столѣтія).

Въ этой главѣ, какъ и въ предыдущихъ, я буду придерживаться по возможности хронологическаго порядка, дѣлая исключенія лишь въ немногихъ случаяхъ, когда вслѣдъ за основателемъ школы будетъ необходимо перечислить его приверженцевъ. Выясненіе главнѣйшихъ направленій въ изслѣдованіи происхожденія языка при такомъ изложеніи, какъ мнѣ кажется, становится нагляднѣе, чѣмъ при распредѣленіи этихъ взглядовъ по извѣстнымъ категоріямъ (какъ это дѣлаютъ Реньо, Гисвейнъ, Вундтъ и др.). Дѣло въ томъ, что въ настоящее время едва ли возможно примыкать дѣликомъ къ тому или другому направленію въ изученіи спеціальнаго научнаго вопроса, не считаясь съ тѣми данными, которыя предложены наукой, въ какомъ бы направленіи ни изслѣдовался вопросъ. Лингвистъ Шлейхеръ считается съ теоріей происхожденія видовъ, созданной Дарвиномъ, клерикальный католическій ученый Гисвейнъ считаетъ себя обязаннымъ вносить поправки въ ортодоксальную точку зрѣнія на божественное внушеніе человѣческаго языка и т. п. Поэтому,

щаяся звуками, творящая и живописующая (die sich im Laute vergnügende, schaffende und malende Phantasie), фиксировать, согласно интеллектуальной потребности, въ разнообразныхъ и опредѣленныхъ артикуляціяхъ звука. И когда накопился извѣстный запасъ такихъ элементовъ рѣчи, то въ немъ заключался стимулъ для дальнѣйшаго развитія и какъ фонетической, такъ и интеллектуальной разработки ихъ, а также къ перенесенію и примѣненію удачной символики (звуковъ) ко многимъ предметамъ внѣшняго міра и къ абстрактнымъ понятіямъ, и вообще ко всѣмъ видамъ мыслей и чувствъ“.

лишь въ рамкахъ общаго развитія науки можно опредѣлить вѣсь и значеніе каждаго изъ изслѣдованій въ данной области и отмѣтить то накопленіе знаній, которое привело къ послѣднимъ изъ современныхъ намъ теорій происхожденія человѣческой рѣчи. Послѣдняя половина 19 вѣка и начало 20-го: вотъ тѣ хронологическіе предѣлы, которые должно охватить содержаніе настоящей главы. Однако, мнѣ придется заглянуть нѣсколько раньше и начать съ Ренана, который въ 1848 году выступилъ съ интереснымъ изслѣдованіемъ по этому вопросу¹⁾. Я не упоминалъ о немъ раньше, потому что Ренанъ стоитъ внѣ тѣхъ философскихъ міровоззрѣній, которымъ была посвящена предшествующая глава. Ренанъ заявляетъ уже въ предисловіи къ своему опыту, что онъ хочетъ базироваться только на данныхъ науки, именно на результатахъ науки сравнительнаго языковѣдѣнія. Ренанъ становится въ этомъ трудѣ на эволюціонную точку зрѣнія. „Подобно тому, какъ на ряду съ наукой объ органахъ и ихъ отправленіяхъ существуетъ другая наука, обнимающая исторію ихъ образованія и развитія, точно также и наряду съ психологіей, пытающейся описать и распредѣлить явленія и функціи душевныя, слѣдовало бы создать *исторію началъ* (эмбриологію) ума человѣка, которая изслѣдовала бы появленіе и первое движеніе способностей, представляющихъ теперь столь правильную дѣятельность“. На чемъ же можетъ базироваться такое изученіе зародышей духовной жизни человѣчества?

По мнѣнію французскаго ученаго, на послѣдовательности эволюціи человѣчества, различные этапы которой встрѣчаются при изученіи этнологіи и теперь. „Для того, кто захочетъ научнымъ образомъ построить теорію о первоначальныхъ возрастахъ человѣчества, дитя и дикарь должны составить два великіе предмета для изученія“. Далѣе, Ренанъ настаиваетъ на изученіи матеріала, представляемаго современными языками. „Правда, первичные языки съ психологическимъ содержаніемъ, какое они представляли, исчезли для науки, и никто, конечно, не станетъ теперь вмѣстѣ съ древней филологіей гоняться за ними. Но, что между идіомами (нарѣчьями), знаніе которыхъ возможно для насъ, одни болѣе другихъ сохранили слѣды тѣхъ законовъ, которые дѣйствовали въ пору рожденія языка,—это ужъ не гипотеза, а фактъ очевидный. Такъ какъ произволь не могъ имѣть никакого мѣста въ изобрѣтеніи и образованіи языка, то поэтому не существуетъ между нашими самыми испорченными идіомами ни одного, который бы не имѣлъ прямого генеалогическаго отношенія къ какому-либо изъ языковъ, коими говорили праотцы рода человѣческаго“. Какъ видно изъ этихъ словъ, Ренанъ противопоставлялъ философскимъ умозрѣніямъ нѣмецкихъ ученыхъ факты реального знанія,

¹⁾ Пользуюсь здѣсь русскимъ переводомъ „О происхожденіи языка“ въ переводѣ А. П. Чудинова. Воронежъ. 1865.

которые, вообще, могут получать свое объяснение лишь при условии закономерности их. Отсюда вытекает настойчивость, с которой он отрицает возможность произвола в сочинении языка, где бы и когда бы оно ни происходило. Важно в методологическом отношении и то, что Ренанъ говорит о способахъ восстановления праязыка. „Было бы непостижительно пытаться отыскать слѣды первобытнаго міра сквозь сѣть преобразований, которою укрыты многіе языки, сквозь безчисленныя силы смѣшеній, встрѣчаемыхъ мѣстами и въ народахъ, и въ идіомахъ. Но есть языки, сохранившіеся вслѣдствіе большей устойчивости органовъ, языки съ менѣе переменчивымъ механизмомъ, которыми говорятъ народы, находящіеся почти въ неподвижномъ состояніи. Эти языки существуютъ и теперь какъ бы свидѣтелями, послѣшимъ оговориться, не какого-либо общепервобытнаго языка или *одного* какого-нибудь первобытнаго языка, но *первобытныхъ процессовъ*, помощью которыхъ человѣкъ успѣлъ придать своей мысли внѣшнее, общественное выраженіе. Я говорю—*первобытность процессовъ*, потому что относительно самихъ языковъ нечего и надѣяться достигнуть этого когда-нибудь. Подобно тому, какъ геологи ошиблись бы, опредѣляя центръ земнаго шара составленнымъ изъ тѣхъ же элементовъ, которые встрѣчаются въ послѣднихъ, доступныхъ опыту глубинахъ,—точно также было бы смѣлымъ считать положительно первобытными тѣ языки, которые въ средѣ извѣстнаго семейства занимаютъ древнѣйшее мѣсто“. Эти положенія Ренана заслуживаютъ особеннаго вниманія. По сравненію съ предшествовавшими изслѣдованіями языка, какъ особенности, присущей человѣческому разуму и съ нимъ одновременно и какъ то таинственно возникающей, вмѣсто поисковъ тѣхъ первоначальныхъ элементовъ, изъ которыхъ, какъ изъ словъ, долженъ былъ состоять первобытный языкъ, французскій ученый выставляетъ принципъ современнаго знанія, изученія *закономѣрности* явленій, тѣхъ *общихъ законовъ*, по которымъ языкъ развивается теперь, и которые обусловили самое его возникновеніе. Ренанъ исходитъ изъ присущей человѣку потребности обозначать внѣшнимъ образомъ свои мысли и чувства: „все, что онъ думаетъ, выражается имъ внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ“. Дальше онъ не идетъ. Дѣйствительно ли человѣку присуща эта потребность отъ природы или она пріобрѣтена имъ впоследствии, и когда именно: въ эти вопросы Ренанъ не вдается, хотя, конечно, для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка они имѣютъ первостепенное значеніе. Въдь, суть дѣла именно въ томъ, что человѣкъ обладаетъ потребностью передавать, сообщать другимъ содержаніе своего сознанія. Вовсе не важно, какіе знаки для осуществленія этой задачи употребляетъ человѣкъ: мимику, жесты, или какіе-нибудь звуки. Важно лишь то, что такая, чуждая всему животному міру потребность констатируется у всего человѣчества, нынѣ извѣстнаго наукѣ. Такъ что слѣдовало бы, прежде всего, разъяс-

нить природу этой удивительной человѣческой потребности. Ренанъ, по-видимому, просто не замѣчаетъ этой необходимости. „Въ самомъ дѣлѣ, мы же признаемъ за животными самобытность ихъ крика, почему же отказать человѣку въ самобытности его слова? Почему упорно желать видѣть въ немъ лишь подражаніе первому (т. е. звѣриному крику)? Было бы нелѣпо считать изобрѣтеніемъ примѣненіе, какое сдѣлалъ человѣкъ для себя изъ органовъ зрѣнія и слуха; не менѣе нелѣпо считать таковымъ и примѣненіе слова, какъ средства для передачи *нашихъ* мыслей. Человѣкъ *имѣетъ способность* выражать свой внутренній, духовный міръ извѣстными знаками, способность рѣчи, подобно тому, какъ имѣетъ способность видѣть и слышать; слово есть орудіе первой, такъ какъ глазъ и ухо—органы двухъ другихъ. Употребленіе рѣчи столько-же есть плодъ размышленія, сколько употребленіе различныхъ органовъ тѣла—результатъ опыта. Не можетъ быть двухъ языковъ: языка естественнаго и языка искусственнаго; природа, раскрывая передъ нами цѣль, въ тоже время даетъ намъ и средства къ ея достиженію“.

Конечно, это не отвѣтъ на изложенные выше вопросы. По словамъ Ренана, выходитъ такъ, что человѣкъ такъ же говорить словами, какъ видеть и слышать, т. е. инстинктивно или въ силу самаго устройства органовъ. Но при такомъ пониманіи дѣла какъ же онъ могъ говорить объ эволюціи человѣческой рѣчи и о законмѣрности этой эволюціи? Въдъ слухъ человѣческой, зависящій отъ устройства слухового органа, не эволюціонировалъ; пока не измѣнилось строеніе глаза, не эволюціонируетъ и зрѣніе. И звуки человѣческаго голоса остаются тѣми же, пока неизмѣнными пребываютъ его голосовые органы. А рѣчь эволюціонируетъ, и самъ Ренанъ это признаетъ. Стало быть, аналогія способности говорить способности слышать оказывается неподходящей, а въдъ Ренанъ имѣетъ въ виду не аналогію, а отождествленіе. Какъ можно было назвать слово „орудіемъ“ (органомъ) рѣчи, подобно глазу—орудію зрѣнія, когда слово—есть, напротивъ, продуктъ рѣчи, какъ дѣятельности, какъ творчества. Такъ, законмѣрность эволюціи, установленная Ренаномъ, можетъ быть примѣнена лишь къ уже существующему языку; для объясненія же вопроса объ его происхожденіи она, какъ видимъ, не даетъ ничего. Въмѣсто этого онъ повторяетъ все тѣ же самыя положенія: Чѣмъ уже былъ первоначально кругъ полученныхъ воззрѣній, тѣмъ легче могло укрѣпиться сочетаніе звука съ воззрѣніемъ, и поступки и звуки (*sein Thun und sein Tönen*) соединялись у человѣка въ одну неразрывную цѣпь“.

Въ развитіи языка Лацарусъ усматриваетъ три ступени, патогномическую, оноματοпоэтическую и характеризующую. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное изложеніе этой теоріи, и я намѣчу лишь въ главныхъ чертахъ, что имѣлъ въ виду Лацарусъ, говоря о ступеняхъ въ развитіи языка. „Самая ранняя и нижняя изъ нихъ есть междометіе. Если еще и те-

перь мы обратимъ вниманіе на характеръ, какой имѣеть эта часть рѣчи въ нашемъ развитомъ языкѣ, то она представится намъ послѣднимъ остаткомъ первоначальной стадіи въ образованіи языка, по крайней мѣрѣ, отраженіемъ ея; вѣдь междометія являются, по большей части, не передающимися изъ поколѣнія въ поколѣніе, не заученными, но естественными, первоначальными звуками: они произносятся произвольно, какъ долженъ былъ произноситься, по нашему представленію, весь цѣликомъ первоначальный языкъ; они пополняются внѣ всякой традиціи; они заключаютъ значеніе сами въ себѣ, безъ всякаго условнаго элемента. Но, если приглядѣться къ нимъ ближе, обнаруживается, что, хотя междометія и составляютъ начало языка, но именно лишь начало его; они не открываютъ возможности дальнѣйшаго развитія, дальнѣйшаго прогресса. Это—непосредственное выраженіе воспринятаго чувственного впечатлѣнія; междометіе состоитъ изъ одного звука, который не *обозначаетъ* чувства, но лишь указываетъ на него; вырвавшійся крикъ боли не есть *знакъ*, но есть *результатъ* боли. И хотя, какъ указано, языкъ возникаетъ изъ такого непосредственнаго выраженія, однако, истинный характеръ языка обнаруживается лишь тогда, когда звукъ перестаетъ быть непосредственнымъ выраженіемъ, когда онъ, превращаясь въ слово, дѣлается уже не просто указаніемъ (на предметы, вызвавшіе раздраженіе), но представляетъ значеніе и символъ внутренняго содержанія“ (2 изд., стр. 112—113).

Дѣтская рѣчь, какъ мы видѣли выше, начинается съ крика, какъ выраженія возбужденія; потомъ этотъ крикъ становится спутникомъ жеста, сопровождающаго эмоцію (ребенокъ тянется къ предмету и кричить); крикъ не означаетъ чего-либо, но указываетъ на источникъ эмоціи: это третья стадія въ развитіи дѣтской рѣчи, и наконецъ, съ помощью говорящей среды, крикъ превращается въ слово, въ сказуемое къ содержанію сознанія, которое имѣетъ здѣсь значеніе подлежащаго, субъекта. Такимъ образомъ, не объяснивъ тайны возникновенія рѣчи, Лацарусъ, тѣмъ не менѣе, справедливо отмѣтилъ, что исходнымъ пунктомъ въ созданіи ея должно было служить рефлекторное восклицаніе. Не правъ онъ, однако, полагая, что междометія совершенно лишены условнаго характера. При анализѣ рѣчи дикихъ народовъ мы имѣли случай не разъ убѣдиться въ томъ, что одни и тѣ же чувства выражаются въ разныхъ мѣстахъ различными мѣстоименіями. Стонъ повсюду выражаетъ боль и страданіе, смѣхъ соотвѣтствуетъ вездѣ одинаковымъ эмоціямъ, но междометіе не есть стонъ или другой рефлекторный звукъ; междометіе, *какъ слово*, представляетъ такой же объектъ взаимнаго соглашенія въ качествѣ обозначенія чувства, названія, какъ и всякое другое слово. Отъ мѣстоименія, можетъ быть, и нельзя исходить въ разрѣшеніи проблемы происхожденія рѣчи, отъ крика же, конечно, возможно: кричать безсловесныя дѣти, кричать животныя.

Такова, по мнѣнію Лацаруса, первая ступень въ развитіи языка, но

„настоящій языкъ, говоритъ онъ, начинается тогда, когда выраженіе ощущенія (или нѣсколькихъ ощущеній, т. е. воззрѣнія) означаетъ уже не ощущение, но предметъ, который вызвалъ ощущение и его выраженіе“. О томъ, какъ это могло произойти, мы находимъ у Лацаруса слѣдующія объясненія: „Процессъ настоящаго образованія рѣчи основывается не только на первоначальной природѣ ощущенія; къ ощущеніямъ должны присоединиться еще психическіе процессы для того, чтобы рефлекторный звукъ приобрѣлъ свое значеніе (слова)“. Эти процессы заключаются въ звукоподражаніи. „Въ междометіяхъ мы имѣемъ выраженіе только *чувства*, но въ ономатопоэтическомъ звукѣ мы имѣемъ выраженіе *воззрѣнія, возбуждающаго чувство*. Тамъ чувство совершенно завладѣваетъ душой и задерживаетъ, и подавляетъ воззрѣніе, по крайней мѣрѣ, настолько, что оно уже не получаетъ выраженія; здѣсь же господствуютъ свобода и возбужденіе души, и если чувство приводитъ къ созданію звука, то этотъ послѣдній предполагаетъ ясность воззрѣнія и служитъ ему выраженіемъ“. Для того, чтобы выяснитъ сущность звукоподражанія, какъ фактора образованія рѣчи, Лацарусъ касается психологіи глухонѣмого человѣка, съ одной стороны, и говорящихъ животныхъ (птицъ) съ другой. „Глухонѣмой испытываетъ внутреннее возбужденіе души съ помощью ощущеній и воззрѣній и обладаетъ органическимъ стремленіемъ выразитъ ихъ въ рефлекторныхъ движеніяхъ, но только не въ движеніяхъ голосовыхъ органовъ, потому что у него отсутствуетъ слуховой органъ; эти же (говорящія животныя) испытываютъ лишь возбужденіе слуха, и ихъ единственный рефлексъ на него заключается въ ихъ голосѣ, однако, безъ всякаго внутренняго, относящагося сюда возбужденія ощущеній. Между этими двумя разрядами существъ стоитъ обладающій слухомъ и потому говорящій человѣкъ; поэтому его звукоподражаніе не есть рефлексъ просто воспринятыхъ звуковъ, но рефлексъ воззрѣнія (*Anschauung*) *звукоиздающаго существа*, воззрѣнія, возникающаго въ услышанныхъ звукахъ и вмѣстѣ съ услышанными звуками. Что касается психическаго процесса, который долженъ привести къ творчеству языка, то звукоподражаніе стоитъ, такимъ образомъ, на одномъ уровнѣ съ тѣми звуками, которые созданы рефлекторнымъ движеніемъ и вызваны созерцаніемъ не звучащихъ предметовъ“.

(2-е изд. 123).

Изъ этихъ словъ видно, что Лацарусъ понимаетъ подъ звукоподражаніемъ весьма сложный психическій процессъ, который не покрывается обычными представленіями о звукоподражаніи, какъ копированіи голосомъ услышанныхъ звуковъ. Къ сожалѣнію, я не могу здѣсь остановиться на подробностяхъ дальнѣйшихъ разсужденій Лацаруса, посвященныхъ этому вопросу и въ высшей степени заслуживающихъ вниманія языковѣда-психолога. Но я считаю необходимымъ привести его отвѣтъ на вопросъ о томъ, какимъ образомъ устанавливается тѣсная связь между звукомъ и значе-

ніемъ. Вмѣстѣ съ Штейнталемъ Лацарусъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что „связь воспріятія съ рефлекторнымъ звукомъ заключается въ чувствѣ“. Весьма характерно, что въ первомъ изданіи своего труда Лацарусъ не обратилъ должнаго вниманія на этотъ вопросъ и, минуя вышеприведенное заключеніе, весьма обстоятельно распространился о характерѣ и значеніи звукоподражанія въ созданіи языка. „Воспріятію каждого простѣйшаго, а въ еще большей мѣрѣ каждого болѣе сложнаго звукового образа присуще какое-нибудь чувство, которое находится въ родствѣ съ чувствомъ, даннымъ вмѣстѣ съ воспріятіемъ объекта. Это данное въ чувствѣ родство между звукомъ и значеніемъ служитъ самой глубокой причиной ихъ соединенія и ассоціаціи“, полагаетъ Штейнталь (въ трудѣ „Abriss der Sprachwissenschaft“). Стало быть, особое чувство, связанное какъ съ воспріятіемъ предмета, такъ и со звукомъ, который почему-либо явился рефлексомъ этого чувства, составляетъ соединительное звено между ними и является причиной, почему звукъ становится выраженіемъ какъ этого чувства, такъ и воспріятія, сопровождавшаго чувство; другими словами, благодаря этому процессу соединенія, звукъ превращается въ *значущій звукъ*, въ слово. „Звуковой образъ и предметный образъ (die Lautanschauung und die Sachanschauung), несмотря на различіе ихъ элементовъ, ихъ содержанія и ихъ состава, оказываются обняты, какъ одно цѣлое, единствомъ чувства. И такъ какъ чувство бываетъ наиболѣе часто и наиболѣе непосредственно господствующимъ (состояніемъ) въ душѣ простаго человѣка, то вслѣдствіе этого оно распоряжается и наименованіемъ (hält er auch den Namen) недѣлимой сущности вещи“ (loc. cit. 137). Какъ мнѣ кажется, разрѣшеніе проблемы происхожденія языка въ нѣкоторой степени заключается въ вышеприведенныхъ заключеніяхъ, но лишь въ нѣкоторой степени: именно, чувство, какъ уже было отмѣчено мною въ началѣ изложенія взглядовъ Лацаруса, обладаетъ слишкомъ общей природой, чтобы соотвѣтствовать въ полной мѣрѣ различію воспріятій: съ воспріятіями нападающаго льва и тигра свяжется одно чувство, а слѣдовательно и одинъ рефлекторный звукъ, который долженъ превратиться, по теоріи Штейнталя-Лацаруса, въ наименованіе объекта этого воспріятія. Далѣе, тотъ процессъ, о которомъ говоритъ приведенное мною извлеченіе, совершается или можетъ совершаться и въ сознаніи животнаго, а между тѣмъ это послѣднее не говорить. Слѣдовательно, лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ эти взгляды могутъ быть примѣнены къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи языка. Ограниченіе это должно состоять, по моему мнѣнію, въ указаніи именно на самую общую связь *группы* воспріятій съ соотвѣтствующими звуками, изъ которыхъ часть можетъ быть рефлекторнаго, междометнаго, часть звукоподражательнаго происхожденія. Если же эта связь укрѣпилась, то объясненіе этого факта надо искать какъ въ особой восприимчивости къ раздраженіямъ, присущей человѣческой психикѣ въ от-

личіе отъ животныхъ, т. е. въ такой нервной организаціи его, которая превышаетъ нервную воспримчивость другихъ животныхъ, такъ и въ связанной, вѣроятно, съ этой силой воспріятій живостью и прочностью ассоціацій у человѣка. Такимъ образомъ, сначала чувство вызываетъ рефлекторный крикъ или, можетъ быть, весьма сложный звуковой отвѣтъ на раздраженіе, представляющій цѣлую градацію криковъ (въ родѣ того, что американецъ Гарнеръ подслушивалъ у клѣтки обезьяны, и что онъ принялъ за „рѣчь“ обезьяны). Чувство связуетъ въ одно цѣлое этотъ звуковой отвѣтъ на раздраженіе и воспріятіе, вызвавшее раздраженіе. Но воспріятіе было соединено не съ предметомъ вообще, но именно съ *этимъ* опредѣленнымъ предметомъ, напр., не съ тигромъ, не съ деревомъ вообще, но именно съ этимъ напугавшимъ меня тигромъ или обрадовавшимъ мой взоръ плодовымъ деревомъ, фруктами котораго я могу утолить свою жажду. Такъ, теоретически говоря, звукъ превращается, благодаря выпаденію промежуточныхъ звеньевъ ассоціаціи, въ *названіе* опредѣленнаго предмета, даннаго въ воспріятіи, какъ это утверждалъ и Потенбня. Но, въ дѣйствительности, этого, конечно, не было: скорѣе, языкъ исходилъ изъ слишкомъ общихъ названій; вѣдь воспріятіе вообще страшнаго звѣря, какъ такового, а не опредѣленнаго звѣря, было связано съ чувствомъ ужаса и рефлекторнымъ звукомъ, и дифференціація этого впечатлѣнія могла наступить лишь въ состояніи душевнаго равновѣсія, когда человѣкъ могъ *спокойно* разобраться въ видѣнномъ и слышанномъ. Этотъ послѣдній моментъ постоянно упускается изъ виду изслѣдователями происхожденія языка, а между тѣмъ вѣдь ясно, что въ состояніи аффекта языкъ, какъ человѣческій языкъ, не могъ возникнуть. Въ аффектѣ кричитъ звѣрь, кричитъ инстинктивно, и тотъ же крикъ вырывается изъ его пасти при повтореніи того же аффекта, но крикъ не превращается въ наименованіе предмета, вызвавшего раздраженіе. Нужно было, чтобы первобытный, еще не говорящій человѣкъ находился при воспроизведеніи звука, вызваннаго воспріятіемъ, въ такомъ состояніи, когда бы аффектъ былъ слабъ или отсутствовалъ совершенно, и когда могло бы начаться *познаніе*. Только въ такомъ случаѣ могло возникнуть то, что Лацарусъ называетъ „внутренней формой рѣчи“, терминомъ, введеннымъ въ науку В. Гумбольдтомъ. Это—„укрѣпленное языкомъ, установленное наименованіемъ одностороннее отношеніе многосторонней вещи къ человѣку. Это, хотя и произвольное, но собственное дѣло души. Итакъ, внутренняя форма рѣчи состоитъ въ томъ, что воззрѣніе (*Anschauung*), образованное изъ нѣсколькихъ ощущеній, удерживается въ душѣ съ помощью его соединенія со словомъ, но такъ, что слово, обозначая цѣлую вещь, выражаетъ лишь одно ощущеніе, т. е. одно свойство ея“. Отсюда Лацарусъ дѣлаетъ переходъ къ третьей стадіи языкового творчества, которую онъ называетъ характеризующей. „На этой стадіи также образуются слова, но уже не перво-

начально, а только съ помощью примѣненія и измѣненія уже существующихъ; т. е. новые элементы языка уже не создаются, но только развиваются и преобразовываются уже существующіе“ (loc. cit. 140). Эта стадія такимъ образомъ уже выходитъ за предѣлы моего изслѣдованія. На этомъ я и закончу пока обзоръ той школы, которая была начата Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и нашла свое выраженіе въ трудахъ Гумбольдта, Гейзе, Штейнтала и Лацаруса. Психологическое направленіе ея углубило изысканія въ области зачатковъ человѣческой рѣчи. Оно показало, что проблема не разрѣшается такъ просто, какъ это представлялось философамъ 18 вѣка и даже историческому направленію Я. Гримма. Не отъ Ренана, не отъ Гердера, не отъ энциклопедистовъ, но отъ глубокихъ психологическихъ изысканій Гумбольдта и его послѣдователей ведетъ тотъ путь, который можетъ привести къ разрѣшенію вѣковой проблемы о возникновеніи величайшей способности человѣка, дара рѣчи.

Стоить сравнить съ этимъ то удивительно простое разрѣшеніе вопроса, которое предложилъ Дарвинъ, чтобы увидѣть, какой прогрессъ науки представляли воззрѣнія психологической школы. Въ своей книгѣ „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“, вышедшей въ 1871 году, но представлявшей примѣненіе къ эволюціи человѣческаго рода взглядовъ, высказанныхъ въ основномъ сочиненіи Дарвина о происхожденіи видовъ (1859)¹⁾, Дарвинъ посвятилъ нѣсколько страницъ происхожденію человѣческаго языка. Само собою разумѣется, что для создателя теоріи естественнаго подбора начала языка кроются въ глубокомъ до-человѣческомъ прошломъ человѣчества. Онъ начинаетъ съ заявленія, что „въ Парагваѣ обезьяна *Cebus Azarae*, находясь въ возбужденномъ состояніи, выпускаетъ по крайней мѣрѣ шесть различныхъ звуковъ, вызывающихъ у другихъ соотвѣтственныя душевныя движенія“. Если даже допустить, что наблюденіе было точно, все же мы имѣемъ дѣло только съ криками инстинктивнаго происхожденія, представляющими разряженіе энергіи и сопровождающими возбужденное состояніе. Какъ эти „шесть различныхъ звуковъ“ понимаются животными того же рода, объ этомъ Дарвинъ не говоритъ, а между тѣмъ вся суть вопроса заключается именно въ этомъ: вѣдь если вѣсь обезьяны изъ вида *Cebus Azarae* понимаютъ эти звуки, то, стало быть, мы имѣемъ дѣло съ актомъ инстинктивнаго происхожденія, и потому къ языку, какъ *условному способу* передачи однимъ лицомъ

¹⁾ Въ предисловіи къ „Происхожденію человѣка“ Дарвинъ говоритъ слѣдующее: „Въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ казалось чрезвычайно вѣроятнымъ, что половой подборъ игралъ важную роль въ дифференцированіи человѣческихъ расъ; но въ моемъ „Происхожденіи видовъ“ я ограничился простымъ намекомъ на это мнѣніе. Когда мнѣ пришлось примѣнить этотъ взглядъ къ человѣку, то оказалось необходимымъ рассмотретьъ весь вопросъ очень подробно“.

содержанія своего сознанія другимъ, этотъ „языкъ обезьянъ“ не имѣетъ никакого отношенія. Онъ можетъ представлять интересъ лишь въ томъ смыслѣ, что обнаруживаетъ наличность дифференціаціи инстинктивныхъ криковъ въ зависимости отъ характера раздраженія. Быть можетъ, эта дифференціація сводится къ физиологическимъ причинамъ. Во всякомъ случаѣ, это еще даже не „мѣстоименія“, въ которыхъ видѣлъ зародышъ человѣческаго языка Лапарусъ, а такіе инстинктивные крики, какъ лай собаки или щебетанье воробья. Впрочемъ, Дарвинъ и лаю собаки приписываетъ извѣстное значеніе въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи языка; да и куры „испускаютъ, по крайней мѣрѣ, дюжину имѣющихъ различное значеніе звуковъ“. Съ поразительнымъ смѣшеніемъ понятій Дарвинъ утверждаетъ далѣе, что „отличіемъ человѣка отъ низшихъ животныхъ служить никакъ не *пониманіе* членораздѣльныхъ звуковъ; каждый знаетъ, что собаки понимаютъ многія слова и фразы“. Точно намѣренно Дарвинъ смѣшиваетъ здѣсь пониманіе собакой словъ и тона: какъ человѣкъ, такъ и животное *инстинктивно* понимаютъ *тонъ*, представляющій собой до-человѣческое наслѣдіе человѣческой рѣчи. Пониманіе тона пропадаетъ при разстройствахъ психики позже, чѣмъ пониманіе рѣчи, и даже можетъ вовсе не пропадать при афазіи; тонъ и ритмъ понимаютъ идіоты, лишенные способности рѣчи. Какое бы слово, ласковое или угрожающее, ни было произнесено передъ собакой ея хозяиномъ, она будетъ реагировать на тонъ и на *миимику*: произнесенное съ сердитымъ лицомъ грубымъ голосомъ ласковое слово такъ же испугаетъ собаку, какъ и слово ласкательное. Примѣръ *Sebus Azarae* говоритъ о томъ, что варіація тоновъ предшествуетъ человѣческой рѣчи, примѣръ собаки подтверждаетъ, что тонъ, инстинктивно создаваемый и инстинктивно понимаемый, предшествуетъ слову. „Способность произносить членораздѣльные звуки также не служитъ нашимъ отличительнымъ признакомъ: этой способностью обладаютъ также попугаи и другія птицы“. Слѣдовательно,—можно было бы заключить отсюда,—сущность человѣческаго языка заключается не въ членораздѣльности звуковъ, а въ чемъ-то другомъ. Исходя изъ положенія, что „не только человѣку свойственна способность связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными понятіями, и что нѣкоторые попугаи, научившись говорить, безошибочно сочетаютъ извѣстные слова съ вещами и извѣстныхъ лицъ съ событіями“ Дарвинъ утверждаетъ, что „низшія животныя отличаются отъ человѣка единственно тѣмъ, что человѣкъ обладаетъ почти безконечно сильнѣйшей способностью сочетать между собою самые разнообразныя звуки и идеи, а это, очевидно, зависитъ отъ высокаго развитія его умственныхъ способностей“. Такимъ образомъ, сущность языка Дарвинъ видитъ въ способности сочетать звуки и понятія („идеи“) или звуки и „вещи“ (очевидно, не самыя вещи, а представленія о вещахъ). Даже ставъ на эту точку зрѣнія, приходится отмѣтить, что подобное со-

четаніе у попугая, который фигурирует здѣсь въ качествѣ свидѣтеля, является не естественнымъ, но привитымъ искусственно, извиѣ. Для говорящаго попугая эти заученныя слова не являются выраженіемъ его сознанія: онъ не связываетъ со словами *значенія*, которое можетъ эволюционировать въ направленіяхъ, разсмотрѣнныхъ мною въ одной изъ предшествующихъ главъ. Связующимъ элементомъ между воспріятіемъ и соотвѣтствующимъ ему звукомъ оказывается въ „рѣчи“ попугая чувство, какъ это предположено Лапарусомъ по отношенію къ происхожденію человѣческой рѣчи: радость, раздраженіе, желаніе вызываютъ опредѣленную реакцію въ видѣ заученныхъ словъ. Въ этомъ процессѣ мы находимъ, дѣйствительно, явленія, связующія эту птичью „рѣчь“ съ зародышевыми элементами человѣческаго языка, но аффектъ вѣдь не есть то состояніе духа, въ которомъ языкъ можетъ пріобрѣсти *условный* характеръ знака. Какъ я уже отмѣтилъ при разсмотрѣніи книги Лапаруса, для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка необходимо предположить такое состояніе, въ которомъ духъ, свободный отъ аффекта, можетъ *сосредоточиться* на звукѣ, какъ выраженіи спокойнаго сознанія. „Хоровое пѣніе“ лягушекъ или обезьянъ гораздо ближе влѣдствіе этого къ началу человѣческаго языка, чѣмъ вопль попугая при видѣ собаки, или рулада несвязныхъ звукоподражаній, несущаяся изъ его клѣтки. Дарвинъ удовольствовался внѣшними, поверхностными сближеніями, и потому, конечно, онъ долженъ былъ свести происхожденіе человѣческой рѣчи къ звукоподражанію. При этомъ онъ ссылается на авторитетъ Уэджвуда, Феррара и Шлейхера, которыхъ мнѣ придется коснуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. „Я не могу сомнѣваться въ томъ, говоритъ Дарвинъ, что языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ подражанію и видоизмѣненію (при содѣйствіи знаковъ и жестовъ) различныхъ, слышимыхъ въ природѣ звуковъ, каковы голоса другихъ животныхъ и собственныя инстинктивныя восклицанія человѣка“. („Происхожденіе человѣка и половой подборъ“, пер. М. Филиппова. СПб. 1896, стр. 80).

Какъ я упомянулъ, Дарвинъ ссылается на Шлейхера. Онъ имѣлъ въ виду открытое письмо этого послѣдняго къ Гекелю: „Дарвиновская теорія и языкознаніе“¹⁾. Шлейхеръ, виднѣйшій изъ представителей индоевропейскаго сравнительнаго языкознанія въ семидесятыхъ годахъ, создатель т. наз. родословнаго древа индоевропейскихъ языковъ, не былъ чуждъ естествовѣдѣнію и особенно питалъ интересъ къ ботаникѣ. Поэтому теорія Дарвина нашла въ немъ искренняго приверженца, и онъ стремился примѣнить его „Происхожденіе видовъ“ къ языкознанію. Очень характерно для эпохи всеобщаго увлеченія естественными науками стремленіе Шлейхера объяснить языковѣдѣніе отраслью естествознанія. „Языки явля-

¹⁾ Пользуюсь здѣсь вторымъ изданіемъ этой брошюры, которое вышло въ 1873 году. Имѣется русскій переводъ ея.

ются естественными организмами, которые возникли независимо отъ человеческой воли, росли и развивались по опредѣленнымъ законамъ и по законамъ же дряхлѣють и вымирають; и имъ присущъ цѣлый рядъ явленій, которыя, обыкновенно, понимаютъ подъ словомъ жизнь. Поэтому, глоттика, наука о языкѣ, оказывается одной изъ естественныхъ наукъ; методъ ея въ общемъ тотъ же, что и въ естествознаніи“. Разумѣется, при такомъ пониманіи вопросъ о происхожденіи языка долженъ разрѣшаться чрезвычайно просто. „То, что Дарвинъ установилъ для видовъ животныхъ и растений, примѣнимо, по крайней мѣрѣ, въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ къ организмамъ языковъ“.

Дѣйствительно, по этой упрощенной схемѣ зоологическіе роды со-
отвѣтствуютъ въ языковѣдѣніи семьямъ языковъ и т. под. Отдѣльные языки представляютъ виды рода, „потомство одного общаго праязыка, изъ котораго они произошли путемъ постепенныхъ измѣненій“. Подробно изложивъ теорію генеологическаго дерева индоевропейскихъ языковъ, Шлейхеръ переходитъ къ морфологическимъ типамъ языковъ, которые онъ со своимъ грубоватымъ матеріализмомъ признаетъ не психологическими разновидностями, не выраженіемъ различныхъ „внутреннихъ формъ“, выражаясь терминомъ изящнаго и глубокомысленнаго В. Гумбольдта, но просто степенями въ развитіи болѣе или менѣе каждаго языка въ направленіи отъ простѣйшихъ организмовъ къ болѣе сложнымъ, отъ какихъ-нибудь protozoa къ многокѣлочному организму. „Строеніе всѣхъ языковъ показываетъ, что ихъ древнѣйшая форма была, по существу, одинаковой, той, которая сохранилась у нѣкоторыхъ языковъ простѣйшаго строенія (напр., въ китайскомъ языкѣ). Короче говоря, то, откуда пошли всѣ языки, представляло собой звуки со значеніемъ (Bedeutungslaute), простые звуковые образы для возрѣвнѣй, представленій, понятій, которые могли функционировать во всякомъ примѣненіи, т. е. какъ всякая грамматическая форма, хотя бы для этихъ функцій не имѣлось никакого звукового выраженія, т. е. органа. На этой самой древней, какую можно представить себѣ, ступени (auf dieser *urältesten* Stufe) языковой жизни отсутствуютъ, какъ выраженные звуками, имена и глаголы; здѣсь нѣтъ ни склоненія, ни спряженія и т. д.“ Въ связи съ этимъ разрѣшается и самый вопросъ о происхожденіи языка: „Для всѣхъ языковъ мы принимаемъ одно формально одинаковое происхожденіе. Когда человекъ нашелъ путь отъ *звуковыхъ жестовъ* (von den Lautgebärden) и звукоподражаній къ звукамъ значущимъ, то эти послѣдніе были именно только значащими звуками, простыми звуковыми формами безъ всякихъ грамматическихъ отношеній. Но по звуковому матеріалу, изъ котораго они состояли, и по значенію, которое они выражали, эти простѣйшіе зачатки языка были различны у разныхъ людей; на это указываетъ разнообразіе языковъ, которые развились изъ этихъ зачатковъ. Мы предполагаемъ поэтому

безчисленное множество праязыковъ, но для всѣхъ нихъ мы устанавливаемъ одну и ту же форму. До извѣстной степени соответствовало этому, вѣроятно, возникновеніе растительныхъ и животныхъ организмовъ; простая клѣтка есть ихъ общая пра-форма, какъ простой корень является праформой языковъ. Простѣйшія формы позднѣйшей животной и растительной жизни, клѣтки, возникли, какъ нужно думать, во множествѣ въ извѣстный періодъ жизни нашего міра, какъ въ мірѣ языковъ простые значащіе звуки“. Трудно, кажется, трактовать вопросъ о происхожденіи языка съ бѣльшей поверхностью, чѣмъ въ этой брошюрѣ. Въ сущности, разрѣшенія вопроса здѣсь и нѣтъ: языки принимаются, какъ готовое, какъ уже возникшее, и только дальнѣйшее развитіе ихъ простѣйшихъ организмовъ представляетъ научный интересъ для Шлейхера. Но нѣтъ такой книги, которая не заключала бы въ себѣ полезныхъ мыслей. И въ брошюрѣ Шлейхера заслуживаетъ полного вниманія его мысль о множествѣ первобытныхъ языковъ, хотя и эта мысль, какъ мы видѣли выше, не вполне нова. Одна группа людей, самое меньшее—пара, изобрѣла языкъ, или языки возникли въ разныхъ мѣстахъ влѣдствіе психическихъ особенностей, присущихъ человѣку, какъ таковому? Шлейхеръ не замѣчаетъ, что этотъ вопросъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ проблемой происхожденія самого человѣчества отъ одной пары или отъ нѣсколькихъ, независимыхъ одна отъ другой. Если для возникновенія языка требовалась извѣстная интеллектуальная подготовка, то едва ли одновременно образовались независимо одинъ отъ другого эти зародышевые языки. Скорѣе, надо думать, что они возникли то тутъ, то тамъ, когда первобытный человѣкъ эволюционировалъ до извѣстнаго уровня, или когда человѣкообразное неговорящее существо превращалось въ человѣка. Но психическая жизнь такого существа, поставленнаго въ различныхъ мѣстахъ въ разныя условія быта, уже не могла быть такъ элементарна, чтобы состоять изъ однихъ „клѣтокъ“ и представлять совершенное однородіе возникновенія языка. По моему мнѣнію, дѣйствительно представляется вполне допустимымъ предположеніемъ, что слѣдуетъ говорить не о происхожденіи человѣческаго языка, но о происхожденіи человѣческихъ языковъ, т. е. что при достиженіи первобытными людьми извѣстнаго уровня духовнаго развитія возникалъ языкъ, но самое возникновеніе его происходило вовсе не въ одной и той же формѣ, и „клѣткой“ языка въ одномъ случаѣ могъ быть слогъ, въ другой длинное сочетаніе слоговъ. Если при такомъ пониманіи вопроса стать на точку зрѣнія моногенизма, то первичнаго человѣка надо представить себѣ еще не говорящимъ существомъ; если же допустить полигенизмъ въ духѣ Фритча ¹⁾, то возможно, что уже

¹⁾ „При одинаковыхъ условіяхъ въ одинаковыхъ мѣстностяхъ различные пары развились до такой степени, что могли назваться людьми“.

при своемъ возникновеніи люди выработали себѣ языкъ, но выраженія его были совершенно различны. Во всякомъ случаѣ, при обоихъ этихъ пониманіяхъ мы будемъ очень далеки отъ аналогіи корней органическимъ клѣткамъ, потому что процессы, заключающіеся въ самомъ *называніи* и въ развитіи словесныхъ значеній, очень сложны.

Проводникъ дарвиновскихъ воззрѣній, Гексли, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, осторожность не выходить изъ предѣловъ физическаго строенія человѣка, но не трудно угадать, какой отвѣтъ онъ далъ бы на вопросъ о происхожденіи языка. *Слѣдуетъ ли намъ лаять и ходить на четверенькахъ*—задаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ иронической вопросъ оппонентамъ эволюціоннаго ученія, опасавшимся униженія человѣчества при господствѣ Дарвинизма—на томъ несомнѣнномъ основаніи, что каждый изъ насъ былъ когда-то яйцомъ, и что этого яйца никакимъ изъ обычныхъ способовъ изслѣдованія невозможно было отличить отъ собачьяго ¹⁾? Конечно, лай собаки въ пониманіи этого ученаго является прототипомъ человѣческаго языка. Къ сожалѣнію, не высказался опредѣленнымъ образомъ о происхожденіи языка Уоллесъ, отрицавшій способность дарвиновской теоріи объяснить намъ происхожденіе *ума* человѣка такъ же, какъ она объясняетъ намъ происхожденіе его *тѣла* ²⁾ (стр. 711). „То, что физически человѣкъ развился изъ нѣкоторой животной формы подъ вліяніемъ естественнаго подбора, вовсе не доказываетъ, что и психическая сторона его природы, даже при совмѣстномъ развитіи съ физической, развилась только подъ вліяніемъ того же фактора“. Далѣе Уоллесъ высказывается еще болѣе опредѣленно: „Я надѣюсь доказать, что извѣстная опредѣленная часть умственныхъ и нравственныхъ качествъ человѣка не могла бы развиться только путемъ измѣняемости и естественнаго подбора, и что поэтому въ такомъ случаѣ необходимо обратиться къ содѣйствію нѣ котораго другого воздѣйствія, закона или фактора. Если бы это удалось несомнѣнно доказать для одного или нѣсколькихъ качествъ разумнаго человѣка, мы тѣмъ самымъ нашли бы подтвержденіе того, что нѣкоторая неизвѣстная причина или сила могла имѣть гораздо большее вліяніе и даже могла вполне измѣнить общій ходъ его развитія“. Эту точку зрѣнія Уоллесъ примѣнилъ къ происхожденію математическихъ способностей („огромное современное развитіе математическихъ способностей совершенно необъяснимо теоріей естественнаго подбора, и было вызвано какой-нибудь другой причиной“),

Ср. М. Hoernes. Natur-und Urgeschichte des Menschen. 1909. I. 208. Гернесъ полагаетъ, что „колыбель человѣчества была едина“, т. е. стоитъ на сторонѣ моногенизма.

¹⁾ Т. Г. Гексли. О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ. СПб. 1884, стр. 125.

²⁾ А. Р. Уоллесъ. Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній. М. 1898.

а также къ искусству: „съ развитіемъ соціальной жизни происходитъ соответствующее развитіе художественнаго вкуса и умѣнья“.

Въ ту пору, когда эволюціонная теорія Дарвина составляла основу и въ ученіи о развитіи человѣческой культуры, вопросъ о происхожденіи языка, казалось, не представлялъ никакой трудности для человѣческаго ума. Не владаясь подробно въ изложеніе этихъ попытокъ разрѣшенія его, которыя велись по одному шаблону, я остановлюсь только на двухъ писателяхъ, пользовавшихся громаднымъ авторитетомъ. Это Леббокъ и Тэйлоръ, которые въ своихъ сочиненіяхъ о происхожденіи цивилизаціи остановились и на проблемѣ происхожденія языка.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей¹⁾ склоняется къ тому, что слова произошли путемъ звукоподражанія. Примѣры, приводимые имъ, представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто поразительную для второй половины 19 вѣка произвольность. Такъ, *отъ* звука, производимаго губами, когда мы пробуемъ что-нибудь, происходятъ греческое *γλυκός* (сладкій), латинское *dulcis* (сладкій), англійскія *lick* (лизать, локать), *like* (любить),— слова, которыя вначалѣ, *безъ сомнѣнія*, прилагались только къ съѣдобнымъ вещамъ, а въ настоящее время имѣютъ болѣе общее примѣненіе. *Отъ* восклицанія *fu!* (*fie*) происходятъ англійскія слова *fiend* (неприятель), *foe* (врагъ), *feud* (раздоръ), *faul* (нечистый, скверный, гнусный)! Однако только звукоподражаніями и такими первичными восклицаніями не ограничивается первоисточникъ, изъ котораго возникъ человѣческій языкъ. Леббокъ справедливо указываетъ на присущее человѣчеству стремленіе къ условнымъ языкамъ, создающимся на почвѣ условности, соглашенія. „Всякій, наблюдавшій дѣтей или школьниковъ, долженъ былъ замѣтить, какъ прозвища, данныя нерѣдко на основаніи незначительныхъ и даже воображаемыхъ признаковъ, подхватываются и утверждаются всеобщимъ соглашеніемъ“. Этотъ фактъ былъ въ должной мѣрѣ учтенъ Леббоккомъ, который, не предполагая, что всѣ наши коренныя слова произошли отъ звукоподражаній, приписывалъ остальнымъ словамъ условное, символическое происхожденіе.

„Я думаю, что они явились тѣмъ же путемъ, какъ и прозвища и новые термины воровскаго и всякаго другого подобнаго жаргона, возникающіе въ настоящее время. Термины эти, какъ намъ извѣстно, часто выбираются въ силу сходства звуковъ или *по связи идей*, нерѣдко столь причудливой, фантастической и изысканной, что мы не въ состояніи возстановить истинное происхожденіе даже такихъ словъ, которыя возникли въ наше время“. Если откинуть то ненаучное, что внесъ Леббокъ въ свое изложеніе теоріи звукоподражанія, то придется признать, что въ дальнѣйшемъ онъ сталъ на болѣе вѣрный путь: элементъ условности, конечно, очень

¹⁾ С. Джонсъ-Леббокъ. Начало цивилизаціи. Умственное и общественное состояніе дикарей. СПб. 1876. (Оригиналъ появился въ 1870 г.).

силенъ даже въ первобытномъ языкѣ, стремленіе сочинять языкъ очень бурно проявляется и въ извѣстныхъ психическихъ состояніяхъ, и въ дѣтскіе годы человѣка. Но основная проблема была, повидимому, и не замѣчена Леббокомъ, какъ эволюціонистомъ: въ сущности, онъ изучалъ не происхожденіе, а развитіе, и условный языкъ знаковъ, образуемыхъ съ помощью пальцевъ, онъ считаетъ, какъ кажется, предшественникомъ произносимаго языка. Самый же вопросъ о томъ, какимъ образомъ звукоподражаніе могло превратиться въ слово, какія психологическія особенности обуславливаютъ возможность возникновенія рѣчи, такой вопросъ просто и не существовалъ для Леббока: отъ животнаго къ человѣку тянется непрерывная цѣпь развитія, которая продолжается и далѣе въ предѣлахъ развитія человѣческаго рода отъ дикаря къ современному культурному человѣку. Насколько былъ чуждъ этотъ ученый философскимъ предпосылкамъ, видно изъ его насмѣшливаго и немножко пренебрежительнаго отношенія къ Максу Мюллеру. Но, какъ въ исторіи числительныхъ способностей человѣка Леббокъ ссылается на примѣры этихъ способностей у собаки, которая, какъ оказывается, считаетъ лучше некультурнаго человѣка, такъ, разумѣется, и выразительная способность человѣка должна восходить своими зародышами къ отдаленному прошлому его, когда онъ былъ какимъ-нибудь обезьянообразнымъ существомъ. Психологическая трудность вопроса просто не замѣчалась эволюціонистами.

Здѣсь же я коснусь двухъ англійскихъ изслѣдователей, у которыхъ теорія звукоподражательнаго происхожденія языка пріобрѣла особенно интересный характеръ. Это сочиненіе Феррара „Опытъ о происхожденіи языка, основанный на новѣйшихъ изысканіяхъ, прежде всего на трудахъ г. Ренана“ (1860) и книга Уиджвуда „О происхожденіи языка“ (1866)¹⁾. Разсмотрѣвъ различныя теоріи по вопросу о происхожденіи языка, Ферраръ обстоятельно разбираетъ библейское свидѣтельство о божественномъ происхожденіи языка и утверждаетъ, что его надо понимать въ томъ смыслѣ, что языкъ „является даромъ Божьимъ лишь постольку, поскольку естественныя способности человѣка были результатомъ физическаго и духовнаго организма, созданнаго Богомъ. Это представляется болѣе естественнымъ и философскимъ предположеніемъ, нежели вѣра въ то, что откровеніемъ было именно эмбріональное ядро языка“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Феррара, языкъ не является прирожденнымъ и органическимъ достояніемъ человѣка, какъ учили греческіе представители теоріи φύσις; онъ не былъ механическимъ изобрѣтеніемъ, какъ утверждали, по мнѣнію Феррара, Лукрецій, Мопертюи, Кондильякъ, Руссо, Гердеръ и др.; не былъ также божественнымъ откровеніемъ. Это „естественная способность, быстро раз-

¹⁾ Fr. W. Farrar. An essay on the Origin of Language, based on modern researches, and especially on the works of M. Renan. 1860. H. Wedgwood. On the origin of language. 1866.

витая могучимъ инстинктомъ, продуктъ разума и человѣческой свободы, которая не имѣетъ мѣста въ чисто органическихъ функціяхъ“. Отсюда Ферраръ дѣлаетъ заключеніе, что „слова не могутъ быть вполнѣ произвольными“. Эту мысль онъ доказываетъ наблюденіями надъ нашей современной непріязнью къ новосочиненнымъ, произвольно придуманнымъ словамъ и фактами народной этимологіи, которая стремится превратить безмысленныя для насъ слова въ осмысленныя. „И вотъ мы можемъ высказать теперь наше убѣжденіе, не безъ торжественности заключаетъ Ферраръ (62—63), что почти всѣ первобытные корни были изобрѣтены по способу оноματοпоезіи, т. е. съ помощью воспроизведенія человѣческимъ голосомъ звуковъ неодушевленной природы. Звукоподражаніе имѣло достаточную силу для того, чтобы изобразить большинство физическихъ фактовъ и виѣшнихъ явленій; и почти всѣ слова, необходимыя для выраженія метафизическихъ и моральныхъ убѣжденій, были произведены отъ этихъ звукоподражательныхъ корней съ помощью *аналогіи* и *метафоры*“. Въ связи съ этимъ Ферраръ высказываетъ слѣдующія мысли: „Каковы были мотивы, которые привели во многихъ случаяхъ къ избранію опредѣленныхъ звуковъ, это лежитъ внѣ нашей возможности угадать или остается неопредѣленнымъ. Сила и тонкое развитіе способности наименованія у дикаря и ребенка должны были, непременно, существовать и у первобытнаго человѣка, а такъ какъ она пришла въ упадокъ вмѣстѣ съ упадкомъ необходимости упражненія, то мы оказываемся не въ состояніи опредѣлить съ извѣстной достовѣрностью тѣ направленія, въ которыхъ эта способность дѣйствовала. Природа не допускаетъ расточительности“. Однако, названія одного и того же предмета оказываются весьма различными въ разныхъ языкахъ. Для объясненія этого явленія Ферраръ предлагаетъ нѣсколько объясненій, не лишенныхъ значенія: правда, онъ не считаетъ возможнымъ свести всѣ корни какого-нибудь языка къ подражанію шумамъ и звукамъ природы, звѣринымъ крикамъ и т. под., „однако, въ то же время мы можемъ утверждать, что *особенности* произношенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ могутъ быть не только модифицированы, но даже созданы достопримѣчательными естественными звуками, обычными въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти особенности встрѣчаются. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ африканскихъ языкахъ (цитируетъ Ферраръ) извѣстны шипящіе согласные, очевидно, заимствованные отъ шипѣнія нѣкоторыхъ змѣй, неизвѣстныхъ въ нашей умѣренной полосѣ, а прищелкивающіе звуки готтентотскихъ діалектовъ напоминаютъ особые крики, издаваемые особеннымъ образомъ тиграми“¹⁾. Это одинъ изъ

¹⁾ The tigers, which *ranque*. Последнее слово, прибавляетъ Ферраръ (76), есть звукоподражательное; вѣроятно, оно заимствовано Бюффономъ изъ „Филомелы“ Альба Овидія Ювентина, гдѣ сказано

Tigrides indomitae rancant, rugiuntque leones.
Вмѣсто *rancant* другіе читаютъ *rancant*.

источниковъ разнообразія въ звукоподражаніи. Другой видитъ Фэrrарь въ различіи звуковъ, издаваемыхъ каждымъ животнымъ, или разнообразіи шумовъ въ природѣ. Слова выражаютъ только *отношенія* вещей, повторяетъ нѣсколько разъ авторъ, а отношенія эти почти безконечны; особенно же ихъ различіе должно было ощущаться „тонкими чувствами юнаго міра“. Такъ напр., громъ производитъ на разныхъ людей различное звуковое впечатлѣніе: одному онъ кажется раскатомъ, другому мгновеннымъ трескучимъ взрывомъ, у третьяго же при раскатѣ грома особенно запечатлѣвается въ сознаніи сопровождающая его молнія. Въ однихъ европейскихъ языкахъ насчитано свыше 350 подражательныхъ словъ для наименованія грома, основанныхъ на различныхъ звуковыхъ воспріятіяхъ его раскатовъ. Въ другихъ случаяхъ самые звуки природы такъ разнообразны, что именно къ этому ихъ разнообразію должно сводиться различіе названій. Такъ, въ соловьиномъ пѣньѣ одинъ изслѣдователь насчитывалъ двадцать колѣнь: вотъ источникъ разныхъ словъ для названія соловья. „А, кромѣ названій, происходящихъ отъ пѣнья соловья (перс. *bulbul*), эта птица можетъ быть названа по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, совершенно иного рода (напр. лат. *lusciniа*); однако, и въ этомъ случаѣ любопытно отмѣтить, какъ стремится возстановить свои прерогативы въ современныхъ языкахъ, звукоподражаніе: *usignuolo* (итальянское слово), *ruysenol* (испанское), *rossignol* (французское), которыя являются, вѣроятно, искаженіями уменьшительнаго *lusciniola*, которое встрѣчается у Плавта“. (Farrar, 83—84). Быть можетъ, послѣдній примѣръ не убѣдителенъ, такъ какъ въ словахъ *usignuolo* и т. под., какъ мнѣ кажется, не чувствуется никакого звукоподражательнаго элемента, но, во всякомъ случаѣ, ограниченія, которыя Фэrrарь вноситъ въ свое пониманіе звукоподражанія, заслуживаютъ полнаго вниманія. Вѣдь къ звукоподражаніямъ онъ относитъ и тѣ явленія эмоціональнаго происхожденія, которыя, будучи инстинктивнаго происхожденія, заимствуются въ качествѣ элементовъ рѣчи путемъ звукоподражанія. Подражательный корень (an imitative root) можетъ имѣть, по мнѣнію этого изслѣдователя, двойное происхожденіе: „Во-первыхъ, это артистическое воспроизведеніе звуковъ внѣшняго міра; во-вторыхъ, это выраженіе страха или тревоги, радости или неудовольствія, которыя можетъ вызвать въ человѣческомъ существѣ впечатлѣніе какого-нибудь событія или зрѣлища. Первый изъ этихъ элементовъ есть звукоподражательный, второй междометный“ (87). Въ дальнѣйшемъ изложеніи Фэrrарь приводитъ различные примѣры для доказательства своей мысли, но я вынужденъ размѣрами своего изслѣдованія не останавливаться на нихъ подробно, такъ какъ основная точка зрѣнія Фэrrара, какъ мнѣ кажется, достаточно выяснена. По сравненію съ уже разсмотрѣнными выше теоріями звукоподражанія“ взглядъ этого изслѣдователя, какъ мнѣ кажется, представляетъ извѣстный шагъ впередъ. Въ противоположность тѣмъ, которые сводили обиліе звукоподражательныхъ элементовъ языка

къ единству первичнаго, оригинальнаго, еще не испорченнаго словообразованія, Фэрраръ исходитъ именно изъ разнообразія и доказываетъ, что звукоподражаніе и не могло никогда дать единства словаря въ первичныхъ языкахъ, потому что различны и самые оттѣнки одного и того же звука, и воспріятія этихъ звуковъ человѣкомъ. Область звукоподражанія онъ значительно расширилъ включеніемъ въ нее совершенно правильно сознательнаго воспроизведенія такихъ звуковъ, такихъ восклицаній, которые первоначально производились бессознательно, инстинктивно. Наконецъ, въ доказательство самаго явленія звукоподражанія Фэрраръ ссылается на факты дѣтской психологіи („ономатопеэтическіе звуки *му, баа, бау-вау* и т. д. составляютъ ступени, по которымъ дитя постепенно подымается къ познанію коровы, овцы и собаки“ 73). Такимъ образомъ, передъ нами уже не наивный подборъ фактовъ, но научно развитая теорія, въ которой заключается несомнѣнное ядро истины: безъ сознательнаго воспроизведенія путемъ подражанія звуковъ, произносимыхъ первоначально бессознательно, языкъ не могъ-бы образоваться. Если въ дикарскихъ языкахъ звукоподражаніе теперь и не играетъ особой роли, то при *изображеніи* животныхъ (какъ это отмѣчено особенно Штейненомъ и Маргіусомъ относительно южноамериканскихъ индѣйцевъ, ср. стр. 261 и 270) оно выступаетъ на первый планъ, какъ средство изобразить самое характерное.

Остановимся теперь на книгѣ Уиджвуда, который является также приверженцемъ теоріи звукоподражанія. И онъ основывается на убѣжденіи, что по даннымъ современныхъ языковъ нельзя судить о первобытномъ языкѣ. „Если языкъ былъ дѣломъ человѣческаго разума, то мы можемъ быть увѣрены, что оно было выполнено чрезвычайно медленно и постепенно, и если дѣйствительный путь его развитія, въ концѣ концовъ, выясненъ, то мы не должны удивляться, если мы встрѣчаемся здѣсь съ кажущимся несоотвѣтствіемъ между грандіозностью его (теперешней) структуры и ничтожествомъ механизма, которымъ онъ былъ пущенъ въ ходъ... Первая ступень представляетъ большую трудность въ разрѣшеніи проблемы. Если мы когда-нибудь сможемъ представить себѣ существо, подобное намъ, но только совершенно незнакомое съ языкомъ, при томъ поставленное въ условія, въ которыхъ оно должно было инстинктивно придти къ необходимости воспользоваться своимъ голосомъ для того, чтобы заставить другихъ подумать (to think) о чемъ-нибудь выходящемъ за предѣлы дѣйствительнаго воспріятія, то мы получимъ удовлетворительное объясненіе для перваго акта рѣчи. Если же человѣкъ въ своемъ прежнемъ состояніи обладалъ тѣми же самыми инстинктами, какими мы обладаемъ теперь, то онъ, несомнѣнно, еще не научившись владѣть рѣчью, выражалъ свои потребности съ помощью жестовъ или знаковъ, которые апеллировали (addressed) къ зрѣнію, какъ современный намъ путешественникъ среди народа, языкъ котораго ему совершенно неизвѣстенъ, будетъ вы-

ражать голодъ, показывая на ротъ и подражая дѣйствию жеванія“ (Wedgwood. 9—10). Таково обоснованіе взглядовъ автора, которое съ психологической точки зрѣнія, конечно, совершенно неудовлетворительно: для того, чтобы выражать съ предвзятой цѣлью свои чувства какими бы то ни было знаками, необходимо сознаніе того, что цѣль взаимопониманія можетъ быть достигнута съ помощью какихъ бы то ни было знаковъ, а вѣдь въ этомъ-то и заключается вся проблема происхожденія языка. Уиджвудъ разрѣшаетъ эту проблему, какъ я уже упомянулъ, въ духѣ теоріи звукоподражанія, связывая ее съ жестикуляціей. Жесты являются не единственнымъ средствомъ подражанія, какое находится въ нашемъ распоряженіи, и мы можемъ воспроизводить голосомъ звуки природы, какъ жестами передавать чьи-нибудь дѣйствія. Оба эти способа изображенія восходятъ, по мнѣнію Уиджвуда, къ инстинкту. Инстинктивнымъ же, очевидно, онъ признаетъ и самое стремленіе человѣка передавать содержаніе своего сознанія другимъ людямъ. „Человѣкъ, испуганный быкомъ, сочтетъ правильнымъ сообщить о причинѣ своего испуга, изображая одновременно движенія животнаго головой и подражая голосомъ его мычанію“. Психологическая слабость подобныхъ разсужденій послѣ всего изложеннаго раньше, я думаю, не должна быть доказываема. Что касается звукоподражанія, къ которому авторъ, такимъ образомъ, сводитъ первобытный языкъ, то „главная причина, почему человѣкъ интересовался крикомъ животнаго, должна была заключаться въ указаніи на присутствіе самаго животнаго, и главная цѣль, для которой человѣкъ могъ желать представить крикъ, должна была заключаться въ томъ, чтобы уму слушателя представилось то животное, которое производитъ данный крикъ“. Но звукоподражаніе является словообразующимъ принципомъ только на самыхъ первыхъ стадіяхъ развитія человѣческой рѣчи; впоследствии же на ряду съ нимъ выступаютъ и другіе процессы. Такимъ образомъ, уже не говоря о слабой психологической мотивировкѣ своей теоріи, Уиджвудъ еще отнесъ ея дѣйствіе къ той эпохѣ, до которой не доходятъ никакія историческія свидѣтельства. Цѣнность такихъ работъ, конечно, весьма незначительна, и я полагаю, что о книгѣ названнаго автора, пожалуй, не стоило бы говорить, если бы только не ссылки на нее, какъ на авторитетъ, у сторонниковъ эволюціонной теоріи. Но именно это послѣднее обстоятельство заставило меня посвятить достаточно детальнѣе обзоръ сочиненіямъ Феррара и Уиджвуда, который я вставилъ между изложеніемъ взглядовъ Леббока и разсмотрѣніемъ теоріи одного изъ авторитетнѣйшихъ представителей эволюціоннаго ученія о ходѣ человѣческой культуры, Эдуарда Тэйлора. Знаменитое сочиненіе его „Первобытная культура“ появилось въ первомъ изданіи въ 1871 году ¹⁾. Точка зрѣнія

¹⁾ Имѣются два русскіе перевода, оба подъ редакціей Д. А. Корончевскаго. Первый вышелъ въ 1872—3 году, второй въ 1896 году; этимъ послѣднимъ изданіемъ я пользуюсь здѣсь.

автора достаточно обнаруживается уже въ слѣдующемъ замѣчаніи его: „Сравнивая грамматики и словари расъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, оказывается, что въ великомъ искусствѣ рѣчи образованный человѣкъ въ настоящее время, въ сущности, употребляетъ тотъ же методъ дикаря, только расширенный и усовершенствованный въ выработкѣ деталей. Правда, языки тасманійцевъ и китайцевъ, гренландцевъ и грековъ различаются своимъ строеніемъ; но это уже второстепенное различіе, подчиненное первоначальному сходству метода, общаго имъ способа выраженія понятій членораздѣльными звуками. Именно, всѣ языки оказываются при изслѣдованіи содержащими нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ прямо естественнаго и прямо выразительнаго рода. Это звуки междометнаго или подражательнаго характера, смыслъ которыхъ не наследуется отъ родителей или не перенимается отъ иностранцевъ, но получается прямымъ переходомъ изъ міра звуковъ въ міръ чувства. Подобно пантомимамъ, смыслъ ихъ можетъ быть понятъ самъ по себѣ, безъ отношенія къ частному языку, въ связи съ которымъ они употребляются. Изъ разсмотрѣнія такихъ звуковъ явилось соображеніе касательно происхожденія языка, принимающее такіе выразительные звуки за основныя составныя части языка вообще, и считающее, что тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ сами по себѣ еще понятны, сохранились болѣе или менѣе въ своемъ первоначальномъ состояніи, и что изъ такихъ звуковъ продолжительнымъ примѣненіемъ и измѣненіемъ произошла значительная часть словъ всѣхъ языковъ, въ которыхъ уже болѣе не обнаруживается кака-либо связь между идеей и звукомъ“. Приведенная цитата, какъ мнѣ кажется, сразу раскрываетъ передъ читателемъ, уже знакомымъ съ исторіей звукоподражательной теоріи, что взглядъ Тэйлора на происхожденіе языка не отличается ни глубиной, ни оригинальностью. Это комбинація того, что писали по этому вопросу Ферраръ и Уиджвудъ. Въ дальнѣйшей части главы о языкѣ Тэйлоръ далъ много очень цѣнныхъ и интересныхъ указаній на особенности дикарскихъ языковъ и на связь этихъ послѣднихъ съ явленіями, наблюдаемыми въ жизни языковъ культурныхъ народовъ. Однако, для разрѣшенія основной проблемы, вопроса о происхожденіи языка, эти страницы даютъ мало. Характерно, во всякомъ случаѣ, и это слѣдуетъ отмѣтить, что эволюціонная школа въ исторіи культуры выработала нѣчто въ родѣ догмата въ разрѣшеніи этого вопроса: языкъ возникаетъ, учить она, изъ междометій и изъ звукоподражанія. Психологическое обоснованіе этого взгляда, къ сожалѣнію, нерѣдко остается въ пренебреженіи.

Продолжая обзоръ антропологической школы, я приведу слѣдующее мѣсто изъ труда Гернеса ¹⁾. „Въ силу присущей человѣку физической и духовной природы, онъ испытываетъ непреодолимое стремленіе

¹⁾ М. Hoernes. Natur-und Urgeschichte des Menschen. Zweiter Band. Urgeschichte der Kultur. 1909, стр. 534.

выражать свои представлѣнія и чувства, свои настроенія и волненія, проэцировать ихъ внѣ себя, имѣть ихъ передъ собою, какъ бы въ зеркалѣ, и этимъ способомъ объяснять себя себѣ самому и другимъ. Таково происхожденіе языка жестовъ и звуковъ, какъ и всяческаго искусства. Начатки этого, съ одной стороны, еще довольно „звѣрскіе“ (thierisch), съ другой же они могутъ быть съ удобствомъ наблюдаемы еще и на высшихъ ступеняхъ культурнаго развитія въ своихъ неизгладимыхъ остаткахъ. Припомните простѣйшія пѣсни, какія поются за работой, и банальнѣйшую общественную болтовню. Первые являются на видъ безцѣльными повтореніями словъ и просто даже бессмысленныхъ выкриковъ. Они возникаютъ при совмѣстной дѣятельности изъ инстинктивнаго подражанія шумамъ, которые вызываетъ эта дѣятельность, или даже просто вслѣдствіе того, что при ритмическомъ напряженіи другихъ органовъ тѣла возбуждаются для совмѣстной дѣятельности и голосовые органы человѣка ¹⁾. Это облегчаетъ работу и отвлекаетъ ее отъ всякой другой, побочной и мѣшающей дѣятельности. Съ другой стороны можно и теперь ежедневно наблюдать, что разговариваніе само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ содержанию, доставляетъ удовольствіе разговаривающимъ. Когда люди бываютъ вмѣстѣ, они чувствуютъ себя обязанными разговаривать о чемъ бы то ни было или даже пѣть. По существу это есть не что иное, какъ общественный шумъ (geselliger Lärm), подобный тому, какой производятъ многія животныя (птицы, нѣкоторыя обезьяны) только для того, чтобы дать выраженіе удовольствію совмѣстнаго пребыванія. Однообразіе производимыхъ всѣми звуковъ доставляетъ участникамъ такихъ собраній отрадное чувство общности, солидарности съ другими, большей безопасности и жизнерадостности. У человѣка къ этому присоединяется одинаковость содержанія сознанія, какъ бы ни было ничтожно самое это содержаніе. По большей части, ему нечего сообщить другому ничего, кромѣ того, что тотъ знаетъ уже самъ. Но въ гармоніи настроенія и его выраженія заключается прелесть „обращенія“ (Ansprache), безъ которой многіе чувствуютъ себя неудовлетворенными. Массовая рѣчь, къ которой прибѣгаетъ одновременно и единообразно большое количество людей, облагораживается искусственнымъ образомъ въ видѣ хора греческой трагедіи. Монологъ же представляетъ собою извѣстный, дѣйственный уже на низшихъ стадіяхъ культурнаго развитія источникъ силы для тѣхъ, которые умѣютъ обострить общее чувство своихъ слушателей и придать

¹⁾ Было замѣчено, говорить Гернесъ, что древнѣйшіе языковые корни обозначаютъ человѣческія дѣятельности и такимъ образомъ, вѣроятно, возникли, какъ сопровождающіе ихъ звуки; далѣе, что въ началѣ словообразованія стоятъ не существительныя, но глаголы, названія не самыхъ вещей, но ихъ назначеній. Съ этимъ взглядомъ Нуаре мы еще встрѣтимся ниже.

ему усиленное выражение. Такой монолог составляет нерѣдко одинъ изъ источниковъ власти вождя у примитивныхъ племенъ“. Резюмируя эти заключенія Гернеса, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: рѣчь человѣка восходитъ къ общественному инстинкту его и къ инстинктивному стремленію испускать эмоціальные рефлекторные звуки. Эти послѣдніе составляютъ источникъ удовольствія для дѣйствующихъ лицъ. Они сопровождаютъ также совмѣстную работу, отчасти какъ спутники разряжающейся энергіи, отчасти какъ подражанія шумамъ, производимымъ работой. Это, какъ мнѣ кажется, не только вполне допустимо, но и составляетъ дѣйствительный источникъ человѣческой рѣчи, о чемъ я буду говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Но вотъ что все-таки составляетъ слабое мѣсто въ теоріи Гернеса: вѣдь, по его словамъ, выходитъ, что человѣкъ еще до возникновенія рѣчи испытывалъ непреодолимое стремленіе „ставить передъ собой, какъ въ зеркалѣ“, свои представленія и чувства, и въ этомъ вѣнскій археологъ видитъ источникъ языка. Стало бытъ, еще до происхожденія языка человѣкъ уже переживалъ потребность выразить какимъ-нибудь способомъ, жестами или звуками, содержаніе своего сознанія: выходитъ, что языкъ возникъ вслѣдствіе присущей человѣку потребности *говорить*. Между тѣмъ, такой выводъ совершенно неприемлемъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что возникновенію языка предшествовалъ продолжительный періодъ хороваго „пѣнія“, инстинктивныхъ рефлекторныхъ криковъ и т. под.: все это не вытекало изъ какого-нибудь влеченія къ выраженію своихъ чувствъ, но было бессознательнымъ выраженіемъ настроенія или опредѣленныхъ эмоцій. Какъ наступила дифференціація первоначальныхъ криковъ, и какъ они превратились въ слова, и какіе процессы лежатъ въ основаніи словъ,—на эти вопросы мы не находимъ отвѣтовъ у Гернеса, хотя онъ даетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи много цѣнныхъ замѣчаній относительно характера языковъ у дикарей и некультурныхъ народовъ.

Къ цѣлому ряду первоосновъ сводитъ первоначальный языкъ Шуртцъ ¹⁾. Онъ исходитъ изъ звуковъ, производимыхъ животными и падающихъ на двѣ группы: непроизвольные и произвольные. Къ первымъ относятся тѣ, которые производятся рефлекторно или сопровождаютъ какія-нибудь движенія, представляютъ ненамѣренное и бессознательное выраженіе чувствъ и т. п., ко вторымъ же Шуртцъ относитъ такіе звуки, которые онъ называетъ произвольными: это различнаго рода зовы, призывы, крики предупрежденія и т. п., затѣмъ „звуки забавы“ (Spiellaute) и „совмѣстный шумъ“ (geselliger Lärm). „Spiellaute возникаютъ, пожалуй, всегда изъ рефлекторныхъ или сопроводительныхъ (Begleitlaute) звуковъ и зововъ, но они теряютъ свой первоначальный характеръ и цѣле-

¹⁾ H. Schurtz. Urgeschichte der Kultur. 1900, стр. 473—480.

сообразность, и служить стремленію выразить и представить себѣ или желанію разрѣшить съ помощью игры накопившуюся энергію; они могутъ быть простыми подражаніями другимъ звукамъ: такъ, напр., играющіе щенки подражаютъ рычанію, вовсе не желая въ дѣйствительности угрожать, или же птицы-пересмѣшники обезьяничаютъ звукамъ другихъ птицъ, а попугай даже человѣческой рѣчи, или же развиваются художественныя формы, какъ напр. у птицъ гармоническое пѣніе изъ призыва къ спариванію“.

Здѣсь элементъ произвольности, конечно, нѣсколько преувеличенъ авторомъ, такъ какъ трудно допустить сознательное подражаніе „въ шутку“ у щенковъ или намѣренное передразниваніе человѣческой рѣчи у попугая: самое однообразіе этихъ явленій у всѣхъ животныхъ одного вида указываетъ на ихъ инстинктивное, а стало быть лежащее внѣ сознанія происхожденіе. Какъ матеріалъ, изъ котораго могла быть построена впоследствіи рѣчь человѣка, эти зовы и крики заслуживаютъ вниманія, но сами по себѣ они никакъ не могутъ быть признаны элементами „языка животныхъ“. Такое преувеличеніе значенія животныхъ криковъ для образованія человѣческаго языка составляетъ, какъ мы знаемъ, обычную особенность эволюціонныхъ теорій. Что касается „совмѣстнаго шума“, которому Шуртцъ справедливо приписываетъ значительное вліяніе на возникновеніе человѣческаго языка, то по этому поводу онъ высказываетъ слѣдующія соображенія: этотъ „geselliger Lärm“ охватываетъ всѣ тѣ звуки, которые производятся совмѣстно многими животными для выраженія своего удовольствія по поводу встрѣчи. Въ этомъ опредѣленіи, конечно, тоже замѣчается немалая доля антропоморфизма, такъ какъ по существу можетъ идти рѣчь лишь о разряженіи въ звукахъ энергіи, въ данномъ случаѣ пріятныхъ эмоцій, вызываемыхъ удовлетвореніемъ общественнаго инстинкта. „Всякому совмѣстному шуму присуще то свойство, что онъ выражаетъ и закрѣпляетъ общее настроеніе, и потому онъ является очень важнымъ средствомъ общественнаго состоянія (Zusammenhalt)“. Въ примѣненіи къ человѣческой рѣчи такое совмѣстное кричаніе или пѣніе, происходившее въ дочеловѣческомъ состояніи людей, могло бы имѣть, какъ я полагаю, прежде всего лишь то значеніе, что развивало бы голосовые органы его, вырабатывало бы привычку къ изліянію своего настроенія въ звукахъ и т. д. Но, вѣдь, въ отличіе отъ совмѣстнаго пѣнія птицъ, лягушекъ, обезьянъ и другихъ животныхъ, рѣчь человѣка представляетъ ту особенность, что она именно вырывается изъ хора, нарушаетъ единство, выражаетъ индивидуальное настроеніе или передаетъ индивидуальное состояніе сознанія. Лишь тогда, когда кто-нибудь „заговорилъ“ или запѣлъ не такъ, какъ всѣ, и могло возникнуть человѣческое индивидуальное выраженіе, легшее въ основаніе рѣчи. Конечно, этотъ процессъ могъ достигнуть скольконибудь замѣтной вели-

чины лишь очень медленно и постепенно и обнаружиться только в своемъ результатѣ, но не в развитіи. Примѣръ этого мы можемъ видѣть в образованіи говоровъ языка, которое покоится на незамѣтной вначалѣ дифференціаціи въ произношеніи звуковъ и становится замѣтной величиной лишь тогда, когда достигаетъ извѣстнаго развитія. Такъ и въ этомъ „совмѣстномъ шумѣ“ кто-нибудь долженъ былъ уклониться отъ общей нормы, чтобы выработать въ концѣ концовъ для выраженія своего я свой собственный способъ. И вотъ животныя, какъ мы видимъ, въ этомъ отношеніи остаются на уровнѣ хорового пѣнія, и особи пользуются инстинктивнымъ, отъ предковъ унаслѣдованнымъ выраженіемъ своихъ настроеній, такъ что въ качествѣ предшественника человѣческой рѣчи нельзя разсматривать этотъ „совмѣстный шум“. Такимъ образомъ, Шуртцъ устанавливаетъ схему „произвольности“ произвольныхъ звуковъ, которые „вмѣстѣ или въ одиночку“ составляютъ тѣ зародыши, къ которымъ могутъ восходить начатки языка: „языкъ долженъ былъ возникнуть то изъ рефлекторныхъ звуковъ, то изъ зова, то изъ шутилаго подражанія животнымъ и другимъ звукамъ. Всего менѣе обращалось вниманія на сопроводительные звуки и на совмѣстный шум“. Этимъ двумъ послѣднимъ явленіямъ Шуртцъ приписываетъ особенно важную роль въ возникновеніи языка. За междометіями онъ отрицаетъ это значеніе, такъ какъ они представляютъ собою „неизмѣняющіеся первобытные звуки (unbildsame Urlaute), которые приобрѣтаютъ больше смысла и содержанія развѣ только при развитіи языка, но сами не становятся посредниками (zu Medien) умственной жизни. Они не выходятъ изъ области чистаго ощущенія“. Это замѣчаніе нѣмецкаго этнолога примѣнимо именно къ уже развитому языку, въ которомъ, дѣйствительно, восклицанія играютъ весьма незамѣтную роль, но едва-ли оно справедливо по отношенію къ первобытному языку.

Отрицаетъ Шуртцъ крупную роль въ происхожденіи языка и за звукоподражаніями, которыя принадлежать, въ сущности, къ разряду „шуточныхъ звуковъ“ (Spiellaute). Тѣмъ большее значеніе онъ придаетъ тѣмъ звукамъ, которые сопровождаютъ какую-нибудь дѣятельность и вызываются стремленіемъ людей говорить. Люди говорятъ о пустякахъ, о томъ, что всѣмъ извѣстно, но все же постоянно говорятъ, точно подчиняясь требованіямъ какого-то инстинкта. „У дикихъ народовъ это обнаруживается еще отчетливѣе; до поздней ночи ведется веселая болтовня въ деревняхъ южно-американскихъ индѣйцевъ или негровъ; можетъ быть, какими-нибудь двумя фразами можно передать все умственное содержаніе и всю пользу этой болтовни. Здѣсь должно быть нѣчто, что перевѣшиваетъ трудъ говоренія, и что-то достигается съ помощью этой болтовни, и это что-то должно имѣть высокую цѣнность и порождать чувство внутренняго удовлетворенія. И такъ оно и есть въ дѣйствительности: разговоръ помогаетъ установить чувство общности; это главное средство для сохраненія и укрѣ-

пленія гармоніи и общественной связи. То, что въ животномъ мірѣ является, какъ уже упомянуто, общимъ беспорядочнымъ крикомъ, у человѣка поднимается на болѣе высокую ступень, но, по существу, остается тѣмъ же самымъ; если этой своей совмѣстной возней животныя вызываютъ другъ у друга общее *чувство*, то человѣкъ создаетъ съ помощью разговора гармонію *мысли*“. Съ этимъ положеніемъ, опять-таки, можно согласиться лишь отчасти: вѣдь разговоръ на общественныя, безсодержательныя темы ведетъ къ установленію единства настроенія, а не мысли. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ: въ разговорѣ не всѣ говорятъ одно и то же, какъ въ хорѣ лягушекъ или воронъ, но каждый говоритъ свое, такъ что мы видимъ здѣсь, скорѣе, аналогію, чѣмъ полное сходство. И самъ же Шуртцъ приводитъ изъ сочиненія Мартіуса о бразилійскихъ индѣйцахъ слѣдующее мѣсто, которое показываетъ, насколько присуще первобытному человѣку говорить именно это свое: „По большей части, собранія начинаются съ наступленія ночи. Въ началѣ засѣданія ведется среди толпы, спокойно сидящей кучками, болтовня въ полъ-голоса или общее какое-то ворчаніе; при этомъ всѣ говорятъ монотонно и одновременно, не обращая вниманія на то, слушаетъ ли ихъ кто-нибудь. Когда появляется вождь, все затихаетъ“. Здѣсь обнаруживается то существеннѣйшее, что есть въ человѣческой рѣчи: именно, что люди говорятъ прежде всего, *для себя*.

Такимъ образомъ, главные источники языка Шуртцъ находитъ въ совмѣстномъ шумѣ и въ звукахъ, сопровождающихъ усиліе или извѣстное чувство. Поскольку дѣло идетъ о подготовкѣ того языкового матеріала, изъ котораго потомъ образуется рѣчь, съ этимъ вполне можно согласиться, но черезъ психологическую проблему, какъ эти звуки были осознаны въ качествѣ выраженія эмоцій, и какъ изъ хорового пѣнія выдѣлилась индивидуальная рѣчь, Шуртцъ не перекинулъ никакого моста, еще меньше, чѣмъ Гернесь, разившій въ нѣкоторыхъ частностяхъ взгляды Шуртца. Между тѣмъ въ книгѣ Марти, о которой я буду говорить ниже, заключалось обоснованіе этой возможности. Въ дальнѣйшемъ примѣненіи своихъ взглядовъ Шуртцъ пришелъ къ выводамъ, не соответствующимъ нашимъ знаніямъ о языкахъ дикарей. Именно, въ вопросѣ о происхожденіи корней языка онъ усваиваетъ точку зрѣнія Нуаре (см. ниже) и Гейгера (см. ниже), что первоначальные корни означали извѣстнаго рода дѣятельность, и полагаетъ, что языкъ возникъ изъ корней глагольнаго значенія, чему противорѣчитъ полное смѣшеніе глагольныхъ и существительныхъ содержаній въ корняхъ многихъ дикарскихъ языковъ. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, это предположеніе и не такъ важно, и не мѣшаетъ Шуртцу придти къ правильному заключенію о происхожденіи языка, основанному на данныхъ книги Бюхера о ритмѣ: языкъ возникаетъ, прежде всего, какъ спутникъ работы. Этотъ взглядъ я постараюсь раз-

вить въ слѣдующей главѣ, подкрѣпивъ его нѣкоторыми данными. Слѣдуетъ отмѣтить такимъ образомъ, что современная этнологія подошла къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи языка, исходя изъ звѣриныхъ инстинктивныхъ криковъ и анализируя языки и культурные навыки дикарей. Теорія Шуртца, легшая въ основаніе вышеприведенныхъ взглядовъ Гернеса, сдѣлалась въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе крѣпко установленныхъ воззрѣній этнологіи. Такъ, Вейле ¹⁾ формулируетъ его въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Языкъ возникъ, какъ спутникъ человѣческаго труда. Но человѣкъ всегда работалъ, хотя бы сначала только забавляясь; онъ всегда долженъ былъ трудиться надъ тѣмъ, чтобы поддержать свое превосходство надъ остальной природой, добытое орудіемъ и оружіемъ. Поэтому, языкъ такъ же старъ, какъ и самъ человѣкъ“.

Чтобы не дѣлать перерыва въ изложеніи этнологической теоріи, я нарушилъ хронологическія рамки. Теперь приходится вернуться опять къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія и остановиться на взглядахъ Макса Мюллера, которые представляютъ любопытную эволюцію, вызванную развитіемъ новыхъ вліяній и ученій въ спеціальной литературѣ. Въ своемъ курсѣ, читанномъ въ Королевскомъ Британскомъ институтѣ въ 1861 году, Максъ Мюллеръ посвятилъ одну лекцію происхожденію языка ²⁾. Здѣсь онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ эволюціонной теоріи. „Существуетъ ли что-либо такое, что можетъ сдѣлать человѣкъ, и признаковъ или начала чего мы не нашли бы во всемъ животномъ мірѣ? Отвѣчаю, не колеблясь: одна великая грань между человѣкомъ и животнымъ состоитъ въ языкѣ. Человѣкъ говоритъ, а животное еще никогда не приносило ни одного слова. Языкъ нашъ Рубиконъ, и ни одинъ звѣрь не посмѣетъ переступить его. Вотъ нашъ фактический отвѣтъ тѣмъ, кто говоритъ о развитіи, кто думаетъ, что, наконецъ, въ обезьянѣ открыто, по крайней мѣрѣ, начало всѣхъ человѣческихъ способностей, и кто охотно провозгласилъ бы возможность того, что человѣкъ есть только болѣе благопріятствуемый звѣрь, торжествующій побѣдителемъ въ первобытной борьбѣ за существованіе“. Противъ обѣихъ теорій, выставленныхъ его предшественниками, Мюллеръ полемизируетъ: подъ теоріей „бау-вау“ онъ подразумѣваетъ тѣ ученія, которыя видѣли источникъ человѣческаго языка въ звукоподражаніи, подъ теоріей „ба-ба“ ученіе о происхожденіи языка изъ восклицаній, междометій. Именно, Максъ Мюллеръ полагаетъ, „что, хотя въ каждомъ языкѣ встрѣчаются названія, образовавшіяся на основаніи простого звукоподражанія, однако они составляютъ весьма небольшую часть нашего словаря. Они *игрушки, а не орудія* (ср. 475 стр.) языка, и всякая попытка обратить самыя простыя и необходимыя слова въ подражательныя

¹⁾ К. Weule. Leitfaden der Völkerkunde. 1912, стр. 127.

²⁾ Пользуюсь здѣсь русскимъ изданіемъ 1865 г. „Лекціи по наукѣ о языкѣ“, переводъ съ 4-го англійскаго изданія.

корни кончается полнымъ неуспѣхомъ“. Какъ мы знаемъ, защитники этой теории уже во времена Макса Мюллера, напр. Феррарь, сочиненіе котораго ему было извѣстно, распространили теорію звукоподражанія въ томъ смыслѣ, что признали звукоподражательные корни только основными элементами языка, изъ которыхъ развились позднѣйшія слова, уже не имѣющія характера звукоподражаній. Возраженія Макса Мюллера очень поверхностны: „тщетно прислушиваемся мы къ сходству между гусемъ и гоготаніемъ, курицей и кудахтаніемъ, уткой и кряканьемъ“ и т. п. Все это, конечно, знали и сторонники теории, и не этимъ аргументомъ можно было бороться съ ними. Не менѣе легко знаменитый санскритологъ раздѣляется съ теоріей междометій. „Отвѣтъ нашъ на эту теорію тотъ же, что и на первую. Безъ сомнѣнія, въ каждомъ языкѣ есть междометія, восклицанія, изъ которыхъ инья стали традиціонными и вошли въ составъ словъ. Но эти междометія суть только опушки настоящаго языка. Языкъ начинается, когда кончаются междометія. Между настоящимъ словомъ: какъ напр., *смѣяться* и восклицаніемъ: *ха, ха*, между: *я страдаю и охъ!* такая же большая разница, какъ между невольнымъ дѣйствіемъ и звукомъ *чиханья* и глаголомъ *чихать*“. Опять-таки защитниками названной теории отстается не то, что ей ставить въ вину Максъ Мюллеръ: никто не утверждаетъ, что какой-нибудь языкъ состоитъ изъ междометій, но говорятъ о томъ, что первая связь между содержаніемъ сознанія и символическимъ выраженіемъ его была создана восклицаніемъ. Самъ Максъ Мюллеръ замѣчаетъ, что „одно краткое междометіе можетъ быть выразительнѣе, точнѣе, краснорѣчивѣе длинной рѣчи“. Именно этотъ *выразительный* характеръ, присущій междометію, какъ таковому, и могъ сыграть извѣстную роль въ образованіи человѣческаго языка, хотя бы восклицанія и не были словами въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ. И, кромѣ того, „ясно, что, если только обладаніе общими понятіями составляетъ полную существенную разницу между человѣкомъ и животнымъ, то языкъ, составленный изъ междометій и подражаній крикамъ животныхъ, не можетъ быть наружнымъ признакомъ этой отличительной способности человѣка. Всѣ слова, по крайней мѣрѣ, первоначально (только это занимаетъ насъ), были бы такимъ образомъ знаками личныхъ впечатлѣній и личныхъ ощущеній, и только постепенно примѣнялись бы къ выраженію общихъ понятій. Анализъ языка, произведенный по правиламъ сравнительной филологіи, даетъ намъ совершенно противоположную теорію. Мы добираемся въ заключеніе до корней, изъ которыхъ каждый выражаетъ общую, а не частную идею. Каждое имя содержитъ, по анализу, сказуемое, черезъ которое и познавался предметъ, означаемый этимъ именемъ“. Каждое имя существительное означаетъ, по мнѣнію Макса Мюллера, какое-нибудь качество, какой-нибудь признакъ предмета. „Солнце могло быть названо свѣтомъ, теплотою, золотымъ, предохранителемъ, разру-

шителемъ, волкомъ, львомъ, небеснымъ глазомъ, отцомъ свѣта и жизни. Вотъ отчего происходитъ изобиліе синонимовъ въ древнихъ языкахъ и та *борьба за существованіе* между словами, которая ведетъ къ уничтоженію менѣе сильныхъ, менѣе удачныхъ, менѣе плодотворныхъ словъ и оканчивается торжествомъ *одного* признаннаго и приличнаго имени для каждаго предмета въ каждомъ языкѣ“. Такимъ образомъ, въ противоположность тѣмъ теоріямъ, которыя сводили начало человѣческаго языка къ произвольнымъ естественнымъ процессамъ, Максъ Мюллеръ полагаетъ, что „всѣ имена безъ исключенія произведены отъ общихъ понятій, хотя они и выражаютъ частныя представленія“. Собственно говоря, къ другому выводу и не могъ привести тотъ путь, который избралъ этотъ ученый: онъ исходилъ изъ сравнительнаго индоевропейскаго языкознанія, которое возстановило на основаніи сличенія родственныхъ словъ въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ рядъ корней съ опредѣленными существительными значеніями, такъ что всякое слово оказывалось первоначально сказуемымъ. Такимъ образомъ, передъ анализомъ филолога предстояли уже готовые слова, не заключающія въ себѣ никакихъ признаковъ своего происхожденія. Мюллеръ полагалъ, что эти 400 или 500 корней (почему онъ взялъ именно такое число?) составляютъ основныя части въ языкахъ различныхъ семействъ, и что это не междометія и не звукоподражанія. Откуда же они взялись? На это Максъ Мюллеръ не имѣлъ въ эту пору никакого отвѣта, кромѣ ссылки на Божью волю, надѣлившую человѣка опредѣленнымъ инстинктомъ. „Человѣкъ въ своемъ первобытномъ и совершенномъ состояніи былъ одаренъ не одною только способностью, подобно животнымъ, выражать свои ощущенія междометіями и свои понятія звукоподражаніемъ. Онъ обладалъ также способностью придавать разумнымъ представленіямъ своего ума болѣе членораздѣльныя выраженія. Онъ не самъ создалъ въ себѣ эту способность. Это былъ инстинктъ, инстинктъ его ума, столько же невольный, какъ всякій другой. Языкъ настолько принадлежитъ царству природы, насколько онъ есть продуктъ инстинкта“. По существу, это былъ отказъ отъ разрѣшенія проблемы: если человѣкъ говоритъ, придавая членораздѣльное выраженіе своимъ *разумнымъ* представленіямъ,—согласно своему инстинкту, то можетъ-ли идти рѣчь о томъ, какъ возникла эта членораздѣльная форма, какъ появились у человѣка *разумныя представленія*, которыя нашли себѣ только *выраженіе* въ его языкѣ и, стало быть, имѣлись еще до языка? Все это праздные вопросы, потому что спасительная ссылка на инстинктъ устраняетъ яко бы всѣ эти недоразумѣнія, хотя въ самомъ понятіи *инстинкта* заключается представленіе о безсознательномъ цѣлесообразномъ побужденіи къ дѣятельности, совершаемой всегда одинаково (какъ младенецъ сосетъ грудь матери, какъ пчела собираетъ медъ и т. п.). Къ понятію инстинкта никакъ не можетъ подойти рѣчь сознательная, сложная, разнообразная

по своему содержанию. Такимъ образомъ, Максъ Мюллеръ, въ сущности, не далъ никакого отвѣта.

На этой точкѣ зрѣнія Максъ Мюллеръ стоялъ довольно долго. „Когда мы говоримъ, мы пользуемся тѣмъ же самымъ матеріаломъ, какимъ пользовался и тотъ первый человѣкъ, который заговорилъ, т. е. истинный отецъ нашей расы“: утверждалъ онъ въ 1868 г. (Ships from a german Workship, 1868, цит. Regnaud. 23). Въ 1872 году, читая въ Страсбургѣ лекцію „О результатахъ языкознанія“, Максъ Мюллеръ произнесъ, какъ известный научный догматъ, положеніе: „Каждое слово имѣетъ свою исторію, и начало этой исторіи, которое открываетъ намъ этимологія, выводитъ насъ далеко за предѣлы его перваго появленія въ исторіи. Каждое слово имѣло первоначально, конечно, *предикативное значеніе*; я имѣю въ виду то значеніе, которое заключается въ самомъ корнѣ“¹⁾. Годъ спустя, въ своемъ „Введеніи въ науку о религіи“, Максъ Мюллеръ возвращается къ тому же вопросу и настойчиво утверждаетъ: „Мы знаемъ, что всѣ слова произошли отъ корней, что эти корни выражаютъ общія понятія, и что за немногими исключеніями каждое названіе основывается на общемъ понятіи, которому подчиненъ предметъ, получившій наименованіе. Какъ возникли эти самые корни, это вопросъ, въ который намъ нѣтъ надобности углубляться здѣсь. Ихъ происхожденіе и развитіе составляютъ проблему, скорѣе, психологіи, чѣмъ филологіи, а каждая наука должна замыкаться въ свои границы. Когда потребовалось названіе для снѣга, то первые устроители языка (the early framers of language) *выбрали* одинъ изъ главныхъ признаковъ снѣга, его бѣлизну, холодность или мягкость, и назвали снѣгъ—*бѣлое, холодное или мягкое*, пользуясь корнями, соотвѣтствующими общей идеѣ бѣлизны, холодности или мягкости“²⁾. Здѣсь, какъ мы видимъ, послѣдовательно развивая тѣ основанія, которыя были высказаны въ публичныхъ лекціяхъ 1861 года, Максъ Мюллеръ просто отказывается судить о происхожденіи языка, ссылаясь на то, что это вопросъ не столько лингвистическій, сколько психологическій, а каждая наука должна держаться поставленныхъ ей границъ.

Но уже нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1878 году, Максъ Мюллеръ смотрѣлъ на вопросъ иначе. Подъ влияніемъ сочиненія Нуаре о происхожденіи языка онъ измѣнилъ свою точку зрѣнія. Максъ Мюллеръ, который въ первую эпоху своей дѣятельности, такъ рѣзко выступалъ противъ эволюціонизма, теперь уже ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ него и отстаиваетъ такую точку зрѣнія на происхожденіе языка, которая роднитъ его съ представителями этнологическаго

¹⁾ F. Max Müller. Ueber die Resultate der Sprachwissenschaft. 1872, стр. 22.

²⁾ F. Max Müller. Introduction to the science of religion. London. 1873, стр. 371.

направленія. Этотъ переходъ въ воззрѣніяхъ Макса Мюллера, по моему мнѣнію, очень знаменателенъ: наука все менѣе довольствовалась принципомъ „ignogabimus“ въ примѣненіи къ происхожденію человѣческихъ способностей, а вѣдь школа нѣмецкихъ философовъ—языковѣдцовъ, Гумбольдта и Штейнтала, начинала и кончала тѣмъ, что человѣкъ, какъ таковой, надѣленъ даромъ рѣчи, безъ нея немислимъ, и потому не существуетъ для науки, какъ существо не говорящее. Уже ближайшій единомышленникъ названныхъ ученыхъ, Лацарусъ, попытался выйти изъ этого зачарованнаго круга. Максъ Мюллеръ думалъ найти опору для своего агностицизма въ этой области открытіемъ атрибутивнаго характера первоначальныхъ корней, которые предполагали разумное мышленіе у первыхъ „устройтелей языка“; однако и эта опора не устояла противъ натиска новыхъ умственныхъ теченій, настоятельно требовавшихъ разрѣшенія вопросовъ, на которые было наложено своего рода ученое *табу*. Почти незамѣтно Максъ Мюллеръ вошелъ въ струю этихъ новыхъ ученыхъ. Переходомъ для него послужило установленное Нуаре иное значеніе корней, нежели полагалъ Максъ Мюллеръ. Принявъ его точку зрѣнія, убѣдившись, что корни первобытнаго языка означаютъ не признаки и не понятія, но глагольныя дѣйствія, этотъ ученый долженъ былъ перемѣнить и свой основной взглядъ на происхожденіе языка. Поэтому, эволюція воззрѣній Макса Мюллера, помимо ея specialнаго интереса въ настоящемъ изслѣдованіи, имѣетъ и болѣе широкое значеніе, какъ исторія образованія ученыхъ воззрѣній и школъ. Въ виду этого я считаю необходимымъ прервать на этомъ мѣстѣ изложеніе взглядовъ Макса Мюллера, остановиться на теоріи Нуаре и лишь потомъ возвратиться ко второй половинѣ научной дѣятельности англійскаго философа, которая ознаменовалась его крупнѣйшимъ трудомъ въ этой области, „Наукой о мысли“ (The Science of Thought), вышедшей въ 1887 году и посвященной Людвигу Нуаре.

Въ свою очередь и этотъ послѣдній не стоитъ одиноко въ разработкѣ этого вопроса; его ближайшимъ предшественникомъ является Л. Гейгеръ ¹⁾. Въ 1869 году появилось его сочиненіе о происхожденіи языка, въ первой главѣ котораго, въ обзорѣ литературы, охарактеризованъ и взглядъ Макса Мюллера, какъ мистическая теорія. Эту главу Гейгеръ заканчиваетъ замѣчаніемъ, что тотъ путь, по которому шло изслѣдованіе проблемы происхожденія человѣческой рѣчи, могъ привести только къ скептицизму. При разсмотрѣніи корневыхъ значеній Гейгеръ опять-таки приходитъ къ заключенію, противорѣчащему взглядамъ какъ Макса Мюллера, такъ и приверженцевъ звукоподражанія. „Каждый звукъ можетъ озна-

¹⁾ L. Geiger. Der Ursprung der Sprache. 1869. Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft. 2 тома. 1868—1872 (второй томъ вышелъ послѣ смерти автора, послѣдовавшей въ 1870 г.).

чать любое понятіе, каждое понятіе можетъ быть обозначено любымъ звукомъ; специальное значеніе, которое съ теченіемъ времени было приоб- рѣтено въ концѣ концовъ какимъ-нибудь звукомъ, является всегда резуль- татомъ простой случайности, или другими словами: результатомъ разви- тія“. Съ анализа этой мысли Гейгеръ начинаетъ третью главу своей книги: „Всѣ звуки-корни соединяють въ себѣ значительное число понятій, и при этомъ являются во многихъ совершенно различныхъ формахъ съ вплолнѣ одинаковыми основными значеніями“. Вопросу о переходахъ зна- ченія Гейгеръ удѣляетъ не мало мѣста въ своей книгѣ. Онъ приходитъ къ выводу (loc. cit. 98), что „единственно соотвѣтствующимъ дѣйствитель- ности, согласующимся съ цѣлью разумнѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ допускающимъ развитіе положеніемъ вещей оказывается многообразіе звуковъ и много- образіе значеній въ корняхъ (Mehrlautigkeit und Mehrdeutigkeit der Wurzeln)“. Развитіе значеній въ каждомъ корнѣ идетъ по своимъ собственнымъ путямъ, нерѣдко весьма сложнымъ. „Значенія словъ развиваются въ видѣ цѣпи, послѣднее звено которой не находится уже ни въ какой ясной связи съ пер- вымъ. Передніе члены ряда *забыты*, и лишь благодаря этому сталъ возмо- женъ послѣдній. Слово, которое означаетъ *хорошій*, не можетъ означать *дур- ной*, и то слово, которое означаетъ *черный*, не можетъ означать *бѣлый*, если не будутъ забыты прежнія значенія... Множественность значеній слова не слѣдуетъ понимать, непремѣнно, какъ одновременную массу; это, по боль- шей части, послѣдовательность. Если примѣнить это положеніе къ корнямъ и спросить, нужно-ли разсматривать присущее имъ общее (значеніе), какъ цѣльную массу или какъ послѣдовательность, т. е. могли-ли корни уже съ самаго начала примѣняться ко всѣмъ случаямъ, для которыхъ существуютъ выраженія въ происходящихъ отъ нихъ словахъ, или же ихъ примѣненіе исходило отъ отдѣльныхъ случаевъ употребленія и постепенно распространилось на всю ихъ позднѣйшую область, то отвѣтить утвердительно, очевидно, приходится на второй вопросъ“ (ibid. 122—123). Такимъ образомъ, по мнѣнію Гейгера, развитіе значеній есть по существу своему не что иное, какъ развитіе понятія. Отсюда важный выводъ объ отношеніи мысли къ слову: „Возникновеніе общихъ понятій, или, вѣрнѣе, такъ какъ каж- дое понятіе бываетъ болѣе или менѣе общимъ, возникновеніе всѣхъ по- нятій не можетъ быть объяснено инымъ путемъ, кромѣ какъ возникнове- ніемъ *словъ* для этихъ понятій“. (139). Языкъ предшествуетъ разуму; болѣе того, какъ выражается Гейгеръ, „языкъ создалъ разумъ; до него человѣкъ былъ неразуменъ“.

Если, такимъ образомъ, языкъ долженъ былъ возникнуть эволюціон- нымъ путемъ, то слѣдуетъ розыскать его начатки. Гейгеръ исходитъ изъ присущихъ человѣку познавательныхъ способностей; съ помощью органовъ чувствъ человѣкъ различаетъ предметы, но постепенно чувство зрѣнія, какъ источникъ познанія, почти вытѣснило въ духовной жизни человѣка

чувство обонянія и стало, вообще, на первый планъ въ его умственной жизни. „Именно въ томъ пунктѣ, гдѣ звѣрь разстается съ человѣкомъ въ смыслѣ зрительныхъ ощущеній, и выступаетъ языкъ. Онъ исходитъ изъ обозначенія видимаго животнаго движенія, чѣмъ завершается наблюденіе у животнаго. Самое первое и самое раннее, что выражаетъ всякій человѣческій языкъ, заключается именно въ такомъ видимомъ животномъ и человѣческомъ движеніи. Можно назвать этотъ объектъ жестомъ или, пожалуй, также миной; послѣднее тѣмъ вѣрнѣе, что слово *мина* соотвѣтствуетъ греческому *mimos*, и собственно означаетъ жестъ подражанія, — *именно тотъ жестъ, который, быть можетъ, сопровождалъ первый звукъ рѣчи*. Возможно и, пожалуй, даже нужно включить въ первый объектъ языкового обозначенія и звѣриный звукъ, ворчаніе, которое связано съ характерной миной. Поэтому, можно видѣть въ первомъ звукѣ рѣчи отраженіе какого-нибудь предмета въ животномъ внѣшнемъ мірѣ, гдѣ воспріятіе звука и воспріятіе лица сходятся въ одномъ центрѣ, такъ что подражаніе, порождающее, можетъ быть, и звукъ рѣчи (*den Sprachlaut*), было въ извѣстномъ смыслѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и звукоподражаніемъ“.

Такъ въ теоріи Гейгера мы встрѣчаемся уже съ указаніемъ на „сопроводительный звукъ“, который занялъ такое видное мѣсто въ новѣйшихъ воззрѣніяхъ этнологической школы, а у Гейгера еще едва намѣченъ. Языкъ, такимъ образомъ, возникаетъ вслѣдствіе ассоціаціи этого сопроводительнаго звука (*Begleitlaut*) и извѣстной мимики или жестикуляціи; первоначальное познавательное значеніе принадлежитъ этой послѣдней группѣ явленій, а не звукамъ, и лишь впоследствии, благодаря ихъ ассоціаціи, пріобрѣли извѣстное значеніе и звуки, зародыши позднѣйшаго человѣческаго языка. Намъ не для чего повторять здѣсь слабые пункты теоріи Гейгера: не одинъ человѣкъ, но и другое высшее животное могло бы пойти этимъ путемъ къ происхожденію языка, однако не пошло, и слишкомъ скуденъ запасъ восклицаній, сопровождающихъ мимику. Гейгеръ идетъ однако дальше этихъ основныхъ положеній, и лишь на этомъ пути онъ могъ сдѣлаться предшественникомъ Нуаре. Изученіе названій цвѣтовъ привело Гейгера къ убѣжденію, что не самый цвѣтъ легъ въ основаніе этихъ названій, но дѣйствіе *намазыванія* краской предмета. Другими словами, „человѣкъ называлъ сначала только *свои дѣйствія* или дѣйствія себѣ подобныхъ; онъ замѣчалъ, что происходитъ въ немъ самомъ или въ его ближайшемъ сосѣдствѣ, уже тогда, когда онъ еще не обладалъ никакимъ пониманіемъ, никакой способностью разсужденія о такихъ возвышенныхъ вещахъ, какъ свѣтъ и тьма, блескъ солнца и сверканіе молніи. Разберемся въ томъ множествѣ понятій, которое уже прошло мимо насъ (ссылка на предшествующій анализъ словъ): въ своихъ первоосновахъ они восходятъ къ чрезвычайно ограниченному кругу чело-

въчeskихъ движеній“. Такимъ образомъ, по мнѣнiю Гейгера, *дерево* оказывается чѣмъ-то *лишеннымъ коры* (der Baum—etwas *Entrodetes*), *земля* нѣчто растертое (die *Erde* etwas *Zerriebenes*), *зерно*, въ ней растущее, нѣчто *лишенное шелухи* (das *Korn*—etwas *Enthülstes*). На такихъ шаткихъ основанiяхъ Гейгеръ строитъ свою теорiю (ibid. 151—152). Современная филологiя¹⁾ отрицаетъ всякую связь между нѣмецкимъ *Baum* и какимъ-нибудь глагольнымъ корнемъ, не идетъ дальше сопоставленiя слова *korn* съ латинскимъ *grânnum* и славянскимъ *зерно*, и признавая связь словъ *Erde* и греч. ἀρόω, слав. *орати* (пахать), не опредѣляетъ, однако, *Erde*, какъ „размолотую“ или „вспаханную“ землю; скорѣе, это просто пашня, какъ мѣсто примѣненiя извѣстнаго дѣйствiя. Я остановился подробнѣе на этихъ фактахъ, потому что самъ Гейгеръ придаетъ имъ особенно важное значенiе. Такъ же, повидимому, произвольны и его объясненiя семитическихъ словъ изъ глагольныхъ корней. Цѣль всѣхъ этихъ разсужденiй, которыя сводятся къ значительному числу этимологическихъ сопоставленiй весьма сомнительнаго достоинства, заключается въ доказательствѣ того, что первоначальныя значенiя глагольныхъ корней имѣли въ виду дѣйствiя человѣка. „Извѣстное движенiе производило столь сильное впечатлѣнiе, что дѣлалось исходнымъ пунктомъ дѣлаго мощнаго развитiя и могло составлять единственное явленiе, замѣченное и названное въ первый моментъ пробуждающагося воспрiятiя. Многiя основанiя заставляютъ меня думать, что дѣло происходило именно такъ, и что это великое чудо совершило человѣческое лицо“ (L. Geiger. 159). Это общее положенiе Гейгеръ специализируетъ указаниемъ на то, что „во многихъ серiяхъ словъ еще чувствуется энергiя, съ которой должны выражаться именно подергиванiе и гримаса человѣческаго рта (das Zucken und die Verzerrung des menschlichen Mundes wiedergegeben werden soll)“. Примѣры, которые Гейгеръ приводитъ въ подтвержденiе своей мысли, не выдерживаютъ критики со стороны научнаго языковѣданiя, и вся вообще эта теорiя остается очень бездоказательной²⁾. Въ своемъ этимологическомъ усердiи онъ подводитъ подъ одну категорiю всѣ слова, сколько-нибудь сходныя между собой, вплоть до глагола *grinsen* (скалить зубы) и *Grund* (глубина). Особенно отчетливо выступаетъ основная точка зрѣнiя Гейгера въ слѣдующихъ его положенiяхъ (стр. 163—166). „Вполнѣ допустимо, что слова, обозначающiя всевозможные звуки, присоединяются къ перечисленнымъ здѣсь³⁾. Изъ корней съ *m* или *n* нѣкото-

1) *Fr. Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 5 изд. 1894 г.

2) Такъ *mar* (тереть, кусать) восходитъ, по мнѣнiю Гейгера, будто бы къ *mar*, *mal* (растирать), а съ другой стороны сюда же относится лат. *mando* (жевать) и т. п. Конечно, это чистая фантазiя.

3) Имѣются въ виду слова указанной группы.

рые уже упомянуты; но слѣдуетъ привести также совершенно спеціальныя обозначенія животныхъ звуковъ: какъ напр., *mugire* (мычать). Однако совершенно исключительные размѣры принимаетъ именно эта отрасль понятій въ группѣ, которую мы причислили къ *grinsen*. Какъ *grin*, такъ и соответствующій греческій корень означаютъ *ржать*, а наряду съ этимъ: *скрежесать зубами*. Равнымъ образомъ оказываются родственными латинское *hinnire* (ржать), а также *grunnire* (хрюкать), *grunzen*. Нѣтъ никакой возможности хотя бы мимоходомъ коснуться здѣсь громаднаго множества относящихся сюда корней, которые означаютъ разнообразнѣйшіе звуки. Достаточно указать на родство ихъ съ *grollen* (гремѣть), съ *brummen* (бормотать) и *brüllen* (мычать), даже съ *dröhnen* (гудѣть) и *stöhnen* (стонать), и наконецъ съ *donnern* (гремѣть, какъ громъ). Звукъ со всеѣмъ своимъ разнообразіемъ съ одной стороны, множественство не перемѣнно громкихъ движеній съ другой находятъ свое средоточіе въ общемъ впечатлѣніи сокращенія (гримасы) рта, соединеннаго со звукомъ. По разнымъ причинамъ нельзя предположить, что понятія ржанія лошади, мычанія коровы являются болѣе поздними. Какая роль должна быть приписана слуховому впечатлѣнію при возникновеніи перваго слова, объ этомъ, кажется, можно спорить. Но слѣдуетъ отмѣтить, что, повидимому, именно, не тѣ звуки, которые производятъ наиболѣе сильное (слуховое) впечатлѣніе, выступаютъ въ древнѣйшихъ обозначеніяхъ. Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально различныя слышимые звуки не представляютъ характерныхъ обозначеній, хотя впоследствии извѣстная сила притяженія со стороны ярко выраженнаго естественнаго звука вызвала нѣкорую систематичность въ этомъ отношеніи. Вообще, въ началѣ языка слѣдуетъ предположить лишь одинъ объектъ, а не нѣсколько. Этотъ одинъ объектъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, не только слуховымъ впечатлѣніемъ, но съ нимъ связывалось и зрительное впечатлѣніе. Первый объектъ рѣчи совпадаетъ, по всей вѣроятности, съ тѣмъ самымъ объектомъ, съ помощью котораго онъ приобретаетъ выраженіе: это было видимое и слышимое движеніе человѣческаго рта, можетъ быть совершенно сходное (*völlig gleichende*) съ первымъ языковымъ крикомъ, съ первымъ языковымъ движеніемъ“.

Такимъ образомъ, мимика, сопровождающаяся звукомъ, одновременно слуховое и зрительное впечатлѣнія, неразрывная ассоціація, устанавливающаяся между ними: вотъ что лежитъ въ основаніи человѣческой рѣчи. Все это не ново и высказывалось, какъ мы уже видѣли, многими изъ предшествовавшихъ изслѣдователей. Ново въ теоріи Гейгера лишь то значеніе, которое онъ приписываетъ первоначальнымъ корнямъ. Оно сводится лишь къ обозначенію различныхъ мимическихъ выраженій. Такова въ своей основѣ теорія Гейгера. „Такъ какъ въ этихъ своихъ основахъ языкъ совпадалъ со своимъ объектомъ, то онъ становился по-

нятенъ, или, правильнѣе, онъ дѣйствовалъ (wirkte) такъ же, какъ и представленное, ибо человѣкъ еще не имѣлъ цѣли сообщить нѣчто, что должно быть представлено“ (166). Рѣчь идетъ, стало быть, объ инстинктивномъ пониманіи и объ инстинктивномъ же произвольномъ произведеніи звуковъ. Проблема происхожденія языка заключается, однако, не въ установленіи этихъ положеній, которыя не выводятъ насъ за предѣлы животной психической жизни, гдѣ наблюдаются также явленія инстинктивного пониманія инстинктивно производимыхъ звуковъ (цыплята сбѣгаются на крикъ насѣдки, лягушка откликается на кваканье лягушки и т. п.). Эта проблема можетъ быть разрѣшена лишь тогда, когда мы выходимъ изъ границъ бессознательнаго, когда мы сталкиваемся съ *намырениемъ* сообщать съ помощью какихъ бы то ни было знаковъ (жестовъ, мимики, звуковъ, рисунковъ безразлично) содержаніе одного сознанія другимъ подобнымъ существамъ. Поэтому и непосредственно слѣдующее за приведеннымъ положеніе Гейгера не прибавляетъ ничего новаго къ выясненію этого вопроса. „Уже въ это первое мгновеніе (появленія рѣчи по указанному способу) вступаютъ въ свои права дифференціація, языкоупотребленіе (Sprachgebrauch) и развитіе понятій съ тѣми самыми послѣдствіями, которыя обнаруживаются въ языкѣ всѣхъ временъ. Вырывался звукъ при нѣскольکو измѣненномъ жестѣ, относительно отличій котораго еще не было никакого разумѣнія. Да и самый звукъ измѣнялся и дѣлался сложнымъ, хотя сначала онъ еще не систематизировался въ отношеніи опредѣленныхъ предметовъ. Эта систематизація произошла лишь тогда, когда при достаточной различимости объектовъ установился численный перевѣсъ для одного изъ звуковъ. Такъ какъ всѣ эти явленія происходили одновременно, то разумѣніе ихъ никогда не прекращалось. Звукъ рѣчи, благодаря указанному распредѣленію по значеніямъ, теперь напоминалъ всѣмъ о чемъ-то отличномъ, тогда какъ прежде онъ напоминалъ лишь объ одномъ“. Слѣдовательно, лишь эмансипація звука отъ жеста и соединеніе опредѣленнаго значенія уже не съ жестомъ, но со звукомъ могли создать то, что можно назвать человѣческимъ языкомъ. Предположить эти два процесса, дѣйствительно, необходимо; весьма вѣроятно, что уклоненіе звука отъ нормы могло облегчить эту эмансипацію. Но все же безъ сознанія того, что самъ человѣкъ произнесъ звукъ не по обыкновенному, и безъ пониманія этого же факта другими людьми нельзя обойтись въ поддержкѣ этой теоріи. Между тѣмъ, во первыхъ, уклоненія должны были происходить не какъ попало, но планомѣрно: иначе *этомъ* звукъ не связался бы съ *этимъ* значеніемъ, а, во вторыхъ, по самой своей природѣ эмоціональные звуки не допускаютъ настолько значительныхъ варіацій, чтобы изъ нихъ могли образоваться различныя слова. Теорія Гейгера наталкивается на всѣ тѣ препятствія, которыя связаны со всякой теоріей происхожденія языка изъ восклицаній, но, кромѣ нихъ, имѣетъ и свои соб-

ственные подводные камни: это непременно глагольное значение первобытных корней, при томъ значеніе, тѣсно связанное съ мимикой рта. Сначала движенія рта, потомъ вообще движенія, называемыя словами, означавшими первоначально мимику рта: таковы зародыши человѣческой рѣчи. Поэтому, сначала корни имѣли только глагольное значеніе, которое отмѣчало лишь происходящее безъ всякихъ подробностей и отношеній. Употребленіе такого языка, говоритъ Гейгеръ („Ursprung und Entwicklung d. menschl. Sprache und Vernunft“. I. 213), должно было ограничиваться совмѣстнымъ созерцаніемъ того, о чемъ говорили. При этомъ пропасть во взаимопониманіи между слушающимъ и говорящимъ не могла быть слишкомъ велика. Ея размѣры должны были ограничиваться тѣмъ немногимъ, что могъ выражать тогдашній примитивный языкъ: то, чего мы не высказали, мы бываемъ обыновенно и не въ состояніи высказать. Что касается значенія мимики въ происхожденіи языка, то Гейгеръ отстаивалъ свой взглядъ на ея значеніе и позже, въ посмертномъ второмъ томѣ своего труда о началѣ разума (II. 214).

Взгляды Гейгера примѣнилъ къ нѣскольکو иному пониманію вопроса Нуаре, труды котораго произвели особенно рѣшительное вліяніе на перемѣну научныхъ взглядовъ Макса Мюллера ¹⁾). Отъ Нуаре, вообще, ведутъ свое происхожденіе и вышеизложенныя воззрѣнія антропологической школы. Основной взглядъ названнаго ученаго сводится къ положенію, что „звукъ рѣчи въ своемъ возникновеніи является сопровождающимъ общую дѣятельность выраженіемъ повышеннаго чувства общности“. Такой звукъ долженъ возникать вмѣстѣ съ общей дѣятельностью нѣсколькихъ лицъ; онъ остается долгое время соединеннымъ съ ней неразрывными узами, превращается вслѣдствіе продолжительнаго соединенія съ ней, мало-по-малу, въ ея постоянный символъ и затѣмъ начинаетъ въ своемъ развитіи означать также вещи внѣшняго міра, по мѣрѣ того, какъ эта дѣятельность касается и этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого звукъ начинаетъ вступать въ соединеніе и съ предметами міра. Изслѣдуя слова, относящіяся къ определенному роду человѣческой дѣятельности, означающія дѣйствія: копаться, рыться, скоблить и т. под., Нуаре приходитъ къ убѣжденію, что такіа слова представляютъ самый послѣдній этапъ, къ которому, какъ къ конечному пункту, можно возвести терминологию иныхъ родовъ дѣятельности. „Ибо не роющійся и копающійся звѣрь, но человѣкъ, который совмѣстно съ другими рылъ себѣ въ землѣ пещеру, явился тѣмъ существомъ, которое вызвало и вмѣстѣ съ тѣмъ создало этотъ древнѣйшій звукъ рѣчи, это древнѣйшее понятіе“. Отъ тѣхъ теорій, которыя клали въ основаніе языка восклицанія, какъ выраженія эмоцій, воззрѣнія Нуаре отличаются своимъ

¹⁾ L. Noire. Der Ursprung der Sprache 1877. Max Müller and the philosophy of language. 1879.

подчеркиваніемъ волевого момента. „Языкъ есть результатъ активнаго, а не пассивнаго процесса; это дитя *воли*, а не чувства. Исходя изъ этихъ двухъ положеній, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: не только симпатія радости и симпатія страданія находятъ у человѣка свое выраженіе въ видѣ смѣха и слезъ; есть еще симпатія воли, дѣятельности, направленной на внѣшній міръ и обнаруживающейся, какъ явленіе, только въ своихъ результатахъ. Эта общая симпатическая дѣятельность сопровождалась первоначально звуками, которые иногда, какъ напр., въ игрѣ и въ пляскѣ, вырывались въ порывистомъ возбужденіи совмѣстной дѣятельности; а такъ какъ эти звуки возникали всякій разъ, когда имѣла мѣсто опредѣленная дѣятельность, которой они были порождены, то они ассоціировались съ ней настолько тѣсно, что приобрѣли силу *вызывать воспоминаніе* о соответствующей дѣятельности. Таково происхожденіе чело-вѣческой мысли, и таково же происхожденіе фонетическихъ типовъ или корней (которые неотдѣлимы отъ нея). Отсюда слѣдуетъ, что первыя формы рѣчи обозначали чело-вѣческія дѣятельности, каковы, напр., рыть, рѣзать, рвать, тереть и т. под.“. Въ другомъ мѣстѣ Нуаре опредѣляетъ свой взглядъ въ такихъ выраженіяхъ: „Было время, когда чело-вѣкъ или, по крайней мѣрѣ, мысль чело-вѣка не знали ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни солнца, ни луны, ни животнаго, ни дерева, ни моего, ни твоего, ни отношеній, обозначаемыхъ словами *здѣсь, тамъ* и т. д., но знали только небольшое число звуковъ, которыми чело-вѣкъ сопровождалъ свои дѣйствія, и которые ассоціировались съ предметами, создаваемыми или видоизмѣняемыми съ помощью этихъ дѣйствій“.

Передъ Нуаре стояла необходимость подкрѣпить свой взглядъ какъ въ антропологическомъ, такъ и въ психологическомъ отношеніяхъ. По этому поводу онъ заявилъ о своей прежней солидарности въ главныхъ чертахъ съ вышеизложенной теоріей Дарвина, который предположилъ возможнымъ существованіе обезьяноподобнаго животнаго, подражавшаго своимъ крикомъ завыванію хищнаго звѣря съ цѣлью предупредить объ его наличности сотоварищей. „Различіе между моею и Дарвиновскою гипотезой, говоритъ Нуаре, заключается только въ томъ, что я предположилъ въ качествѣ содержанія перваго звука рѣчи нѣчто болѣе обычное, извѣстное, я сказалъ бы, пожалуй, нѣчто болѣе чело-вѣчное, именно враждебное племя, тогда какъ Дарвинъ сдѣлалъ первымъ объектомъ общаго познанія хищнаго звѣря,—попытка, которая при нѣкоторомъ раздуміи обнаруживаетъ свою полную несостоятельность, такъ какъ объектъ ужаса, испуга, отвращенія, представляетъ, повидимому, всего менѣе данныхъ для того, чтобы вступить въ ясную, свѣтлую, спокойную область языкового мышленія, не говоря уже о томъ, чтобы сдѣлаться ея зародышемъ. Впрочемъ, то же самое возраженіе можно сдѣлать и моею теоріи. Разматриваемыя и съ другой точки зрѣнія, эти гипотезы никакъ не могутъ выдержать болѣе серьезную критику. Крикъ предупрежденія

есть крикъ испуга; страхъ сообщается симпатическимъ образомъ. Согласно же нашей теории пра-человѣкъ, особенно нами предполагаемый, особенно умный пра-человѣкъ, долженъ былъ остановиться и призадуматься: какъ я заставлю моихъ сообезьянъ представить себѣ и сознать угрожающую опасность? И тогда онъ долженъ былъ въ силу какого-то гениальнаго домысла испустить звукъ, какъ выраженіе испуга. Допустимъ даже такое невозможное, совершенно невѣроятное предположеніе, что онъ *расчитывалъ* на то, что его поймутъ, но какъ же онъ могъ быть, дѣйствительно, понять, если навстрѣчу ему не шло такое же гениальное вдохновеніе пониманія? И отсюда долженъ будто бы развиваться языкъ? Яростное завываніе хищнаго звѣря, воинственный ревъ врага оказывались будто бы первыми зародышами, ядрами кристаллизаціи того удивительнаго духовнаго образованія, которое, покоясь на прочномъ основаніи чело-вѣческаго разума, превратилось въ зеркало міра, земли, неба и всѣхъ ихъ чудесъ! Трудно придумать что-нибудь болѣе невѣроятное! И какъ я самъ признаю здѣсь невозможность моей гипотезы, такъ и великій Дарвинъ, отъ ума котораго, глубокаго и серьезнаго, надолго не могло укрыться все глубокое значеніе проблемы и вопіющая неосновательность этихъ столь легко опровержимыхъ замѣчаній, признавалъ съ полной искренностью неудовлетворительность своихъ взглядовъ“. Къ этому отрицанію гипотезы о происхожденіи языка изъ восклицаній пришелъ, такимъ образомъ, и Нуаре. Что же касается его психологическаго основанія своихъ взглядовъ, то по этому поводу мы находимъ у Нуаре слѣдующія замѣчанія: „Какимъ образомъ и благодаря какимъ явленіямъ, могло развиваться изъ предшествовавшихъ, менѣе совершенныхъ стадій такое созданіе (*Neuschöpfung*), какъ чело-вѣческій разумъ? Какъ могло произойти разумное и мыслящее изъ неразумнаго и безсловеснаго? Если можно открыть средства, съ помощью которыхъ чело-вѣческій разумъ выработался изъ слабыхъ зачатковъ, достигая все большей ясности по отношенію къ свойствамъ вещей, все болѣе высокаго самопознанія, то этого удастся достигнуть только, идя по историческому пути, изслѣдуя законмѣрное развитіе того содержанія понятій, которое заключается въ словахъ, представляющихъ сами по себѣ только простые звуки. Ибо, какъ выражается Гейгеръ, понятія взаимно обуславливаютъ другъ друга въ своемъ возникновеніи, такъ что не каждое можетъ возникнуть случайно изъ каждаго другого, но только извѣстныя понятія законмѣрно изъ извѣстныхъ другихъ. Поэтому, въ то время, какъ не можетъ быть науки, которая устанавливала бы законмѣрную связь между *понятіемъ* и *звукомъ*, такъ съ другой стороны, долженъ быть найденъ научный методъ, съ помощью котораго можно было бы прослѣдить до самаго начала развитіе понятій другъ изъ друга, внѣ зависимости отъ звуковъ, въ которые они облечены, а также развитіе звуковъ независимо отъ ихъ значеній.

Мы должны отыскать эмпирическіе законы, по которымъ понятія, вообще, оказываются въ состояніи примыкать одно къ другому, и которые позволяютъ привести въ совершенную ясность дѣйствительное *родство понятій*, подобно тому, какъ звуковые законы позволяютъ устанавливать дѣйствительное сходство звуковъ. Только этимъ путемъ мы получимъ возможность проникнуть въ существо разума“. Эти положенія Нуаре ставятъ передъ изслѣдователемъ первобытнаго человѣческаго языка обязанность заглянуть въ такую глубину человѣческаго существованія, когда человѣкъ еще не былъ разумнымъ существомъ согласно воззрѣніямъ В. Гумбольдта. Съ нѣсколькихъ звуковъ началась человѣческая рѣчь, лишь нѣсколько первоначальныхъ понятій выработала эта первобытная рѣчь.

Въ этихъ своихъ основныхъ чертахъ теорія Нуаре произвела настолько сильное впечатлѣніе на научное міросозерцаніе Макса Мюллера, что онъ совершенно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Тотъ агностицизмъ, на которомъ онъ базировался въ своихъ первыхъ трудахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ языкознанія, уступилъ свое мѣсто новому пониманію этихъ вопросовъ. Нуаре твердо стоялъ на эволюціонной почвѣ говоря и о развитіи болѣе сложныхъ понятій изъ первоначальныхъ простѣйшихъ понятій, и о возникновеніи болѣе сложныхъ формъ рѣчи изъ простѣйшихъ. И вотъ на эту почву вступилъ вслѣдъ за нимъ Максъ Мюллеръ. „Я совершенно согласенъ съ проф. Нуаре, говоритъ онъ, что самыя первоначальныя дѣятельности человѣка и звуки, которые ихъ сопровождаютъ, представляютъ обильный матеріалъ для составленія полнаго словаря. Я согласенъ съ нимъ, далѣе, въ томъ, что человѣкъ находитъ самыя естественныя метафоры для обозначенія явленій природы, относя ихъ къ самому себѣ и разсматривая ихъ антропоморфически. Если онъ хотѣлъ обозначить красный цвѣтъ, то онъ называлъ его кричащимъ цвѣтомъ, горькій вкусъ былъ ѣдкимъ, а слишкомъ яркій тонъ рѣжущимъ. Все это и еще многое другое справедливо. Но хотя я охотно восклицаю, обращаясь къ проф. Нуаре: *εὐρηκα*, я думаю, однако, что мы не должны преграждать всѣ другіе пути, которые ведутъ къ темнымъ вратамъ языка, и что въ своихъ изслѣдованіяхъ самыхъ раннихъ развѣтвленій человѣческаго мышленія и человѣческаго языка мы должны больше всего на свѣтѣ остерегаться злѣйшаго врага всякой истины, догматизма“¹⁾. Несмотря на такое предостереженіе, самъ Максъ Мюллеръ, который всегда горячо и съ энтузіазмомъ отстаивалъ какую-нибудь догматическую теорію, сталъ уже очень скоро проповѣдовать взгляды Нуаре. Въ своемъ трудѣ „о происхожденіи и развитіи религіи“, который вышелъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, онъ высказываетъ уже совершенно точку зрѣнія Нуаре.

¹⁾ Статья „Ueber den Ursprung der Vernunft“ въ Essays von Max Müller. II Band. Beiträge zur vergleichenden Mythologie und Ethologie. 2 Auflage. 1881. (цит. мѣсто: II. 480—481).

14.

Это мѣсто настолько замѣчательно, что я считаю необходимымъ привести его здѣсь. „Языкъ есть продуктъ дѣятельности. Нѣкоторыя изъ простѣйшихъ дѣйствій, каковы дѣйствія, выражаемыя глаголами ударять, толкать, обрѣзать, соединять, измѣрять, обрабатывать, ткать и т. д., сопровождалась, и теперь еще сопровождаютъ, извѣстными произвольными звуками, сначала неопредѣленными и измѣнчивыми, а потомъ принявшими мало по малу болѣе опредѣленную форму. Эти звуки были сначала неотдѣлимы отъ дѣйствія. Такъ, напр., звукъ *tar* сопровождалъ дѣйствіе натирания, полированія камня, натачиванія оружія, и сначала онъ не означалъ ничего другого, ни для того, кто произносилъ этотъ звукъ, ни для другихъ. Но вскорѣ онъ сдѣлался указаніемъ: онъ означалъ, что человѣкъ собирается приняться за работу натирания или полированія доски или камня: произнесенный съ особеннымъ выраженіемъ и сопровождаемый извѣстными жестами, которые служили цѣлямъ интерпретаціи, онъ дѣлалъ понятнымъ для дѣтей и для рабовъ приказаніе ихъ отца и повелителя, чтобы они не сидѣли со сложенными руками въ то время, какъ онъ работаетъ: *tar* сдѣлалось повелительнымъ наклоненіемъ. Слово было совершенно понятно, такъ какъ оно употреблялось уже съ самаго начала не однимъ человѣкомъ, а многими людьми, преданными совмѣстно одному и тому же занятію“. Итакъ, источникъ пониманія первоначальнаго слова заключается въ тождествѣ содержанія сознанія у нѣсколькихъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ.

Быть можетъ и, пожалуй, даже навѣрное, не отчетливо произносимый слогъ *tar* или какой-нибудь другой сопровождалъ дѣятельность этихъ нѣсколькихъ лицъ, направленную въ одну сторону. Но специфическій звукъ, вызываемый опредѣленнымъ усиленіемъ, могъ, дѣйствительно, настолько ассоціироваться съ самой дѣятельностью, что человѣкъ, слышавшій этотъ звукъ, по ассоціаціи связывалъ съ нимъ представленіе о дѣятельности. Слѣдовательно, исходный пунктъ въ образованіи языка, даже становясь на почву теоріи Гейгера, Нуаре и Макса Мюллера, будетъ находиться на противоположномъ концѣ линіи, проведенной ими, т. е. не *tar* (или другой слогъ), какъ приказаніе и потомъ слово, но сначала слово, созданное ассоціаціей дѣйствія со звукомъ, а потомъ уже приказаніе, понимаемое другими. Такая ассоціація, какъ мнѣ кажется, психологически допустима. Она не встрѣчается въ мірѣ животныхъ, потому что дѣйствія, съ которыми связаны эти сопроводительные произвольные звуки, присущи только человѣческой дѣятельности. Слѣдовательно, согласно вышеизложенной теоріи, человѣкъ былъ уже человѣкомъ, т. е. совершалъ поступки изъ круга чисто человѣческой дѣятельности (приготавливалъ оружіе, пользовался орудіями), еще не обладая даромъ рѣчи. Это предположеніе представляетъ собою гипотезу, на которой базируется все вышеприведенное построеніе. Этнологія не даетъ намъ подтвержденія

этой гипотезы даже в фактах самой первобытной жизни современной дикарской культуры, которая не обходится без словесного сообщения мыслей одного лица другому, но я думаю, что принципиально нам не удастся обойтись без известных гипотез в разрешении вопроса о происхождении языка, восходящем к недостижимой для науки древности человеческого существования на земле, и что приведенная гипотеза наиболее допустима. На ней же, как я отметил в своем месте, при обзоре взглядов антропологической школы, основана и теория этой последней. Стало быть, мы должны предположить вопреки учению психологической школы Гумбольдта, что не возникновение языка сделало человека человеком, но что человек совершал уже блестящие поступки, основанные на ассоциации последствий с действиями, уже жил в известным образом организованном сообществе с ему подобными, уже совершал обща с ними более или менее сложные действия, еще не превратившись в говорящее существо. В эту пору, как возможно предположить на основании данных этнологии, он был уже существом *говорящим для самого себя*; в кругу себя подобных этот первобытный человек, вероятно, произносил про себя „монологи“ (как об этом рассказывает Мартиус, ср. стр. 469),—монологи, которые служили лишь выражением его эмоций и не заключали в себя никакого познавательного содержания. Но они воспитали в человечестве способность говорить, подготовили возможность ассоциаций звука с жестом и деятельностью, и таким образом, на ряду с эмоциональным криком, появились и *первые названия*. Но были ли эти последние названиями действий или предметов, об этом мы едва ли можем теперь судить.

Таким образом, под влиянием Гейгера и Нуаре Макс Мюллер изменил свое понимание вопроса о происхождении языка; в своем последнем крупном труде „The Science of Thought“ (Наука о мысли)¹⁾, вышедшем в 1887 году, он остается на почве теории Нуаре. Но кое-чем он уже выходит за пределы теории корней и намекает на возможность теории первоначальных слов-предложений. Пытливый, вечно идущий вперед ум знаменитого английского ученого отметил здесь путь, который после него разрабатывался другими выдающимися учеными. „Прежде всего необходимо определить, говорит Макс Мюллер, чем не являются корни? Корни не представляют собою междометий и не служат подражаниями естественным звукам. Восклицания, в роду *ну-ну*, или звукоподражания, в роду *бай-вай*, оказываются прямою противоположностью корней. Но почему? Потому что корни имеют определенную звуковую форму, но общее значение, тогда как междометия и звукоподражания—обща, т. е. неопределенны и изменчивы в звуковом

¹⁾ Это сочинение имеется и в русском переводе, которого, к сожалению, у меня не было в руках, когда я писал эти строки.

отношеніи, но опредѣленны или спеціальны по значенію“ (189). Впрочемъ, Максъ Мюллеръ допускаетъ, что съ помощью этихъ средствъ возможно сообщеніе. „Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстнаго рода сообщеніе возможно съ помощью звукоподражаній или звуковъ, сочетающихся съ междометіями или эмоціональными выраженіями. Такъ, чтобы сообщить, что такая-то собака безопасна, мы можемъ сказать: *bau-wau, ny!* Но сообщеніе не есть языкъ, какъ и крики не суть корни“ (196). По вопросу объ эмоціональномъ языкѣ мы находимъ у Макса Мюллера такіа указанія: „Языкъ, которымъ мы говоримъ, происходитъ отъ корней, а корни служатъ выраженіемъ понятій, а понятія являются дѣломъ разума, такъ какъ разумъ есть не что иное, какъ способность или, если намъ не нравится это слово, дѣятельность образованія и направленія понятій. Если, поэтому, мы называемъ животныхъ неразумными, то мы вовсе не имѣемъ въ виду отрицать у нихъ всевозможныя способности, каковы наблюдательность, догадливость, расчетъ, наличность взвѣшивающаго, судящаго, рѣшающаго ума, даже болѣе того: утонченнаго вкуса или генія; но мы только отрицаемъ у нихъ способность образованія и управленія понятіями, которыя выражаются въ языкѣ, и только въ языкѣ“ (200). Полагая, что теоріи междометнаго или звукоподражательнаго происхожденія языка окончательно изгнаны изъ науки, Максъ Мюллеръ останавливается на теоріи корней, какъ „последнихъ фактовъ“ языка, не допускающихъ уже никакого дальнѣйшаго разложенія (209). Изъ нихъ приходится исходить и въ разрѣшеніи проблемы о началѣ языка. Эти корни, число которыхъ оказывается весьма незначительнымъ даже въ самой развитой семьѣ индоевропейскихъ языковъ, раздѣляются на двѣ основныя группы: предикативныя и демонстративныя корни. Первые выражаютъ дѣйствія (every root expresses a concept, or... the consciousness of repeated acts). Это положеніе Максъ Мюллеръ считаетъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію (219). „Корни выражаютъ дѣйствія, переходныя или непереходныя, и сознаніе такихъ дѣйствій, выраженное какими бы то ни было знаками, фонетическими или какими-нибудь другими, должно быть разсматриваемо, какъ первая ступень къ образованію понятій“. Другая группа корней, очень немногочисленная, служитъ для цѣлей указанія: „это простыя демонстративныя элементы“ (221).

Проанализировавъ нѣсколько такихъ корней, Максъ Мюллеръ продолжаетъ (243): „Корень можетъ быть по формѣ тождественъ съ именной или глагольной основой, но въ большинствѣ случаевъ онъ подвергся дифференціаціи, такъ что служитъ лучше цѣлямъ именного или глагольнаго употребленія. Это достигается при помощи суффиксовъ, происхожденіе которыхъ часто сомнительно, хотя мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ процессъ долженъ былъ быть раціональнымъ, т. е. что эти суффиксы должны были являться первоначально демонстративными или пре-

дикативными. Такъ достигнувъ именныхъ и глагольныхъ основъ, мы замѣчаемъ новый рациональный синтезъ образованія, который теперь называется склоненіемъ и спряженіемъ. И, хотя мы признаемъ свое безсиліе въ опредѣленіи происхожденія всякаго именного или глагольнаго окончанія, мы все же можемъ еще замѣтить общій принципъ рациональнаго синтеза“. Изъ уже приведеннаго выше заключенія изъ разсмотрѣнія теоріи Нуаре, т. е. изъ теоріи первоначальныхъ словъ-приказаній, Максъ Мюллеръ дѣлаетъ теперь выводъ, что каждое слово служило вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніемъ. „Предполагая, что корень *tar* означаетъ *тереть*, нѣсколько разъ произнесенное *tar*, обращенное вождемъ къ его подчиненнымъ, было, конечно, предложеніемъ и передавало имъ извѣстное значеніе, именно приказаніе; оно должно было дать имъ понять, что надо дѣлать, на примѣръ: что наступило время начинать ежедневную работу, шлифовку камней“ (245). Отсюда уже недалеко до образованія словъ для называнія предметовъ или, какъ говоритъ Максъ Мюллеръ, „отъ употребленія корня въ повелительномъ наклоненіи или въ формѣ общаго утвержденія представляется весьма легкимъ переходъ къ употребленію его въ другихъ смыслахъ или для другихъ цѣлей. Представимъ себѣ обстановку пещернаго жилища или озерной постройки, состоящую преимущественно изъ выскобленныхъ кожъ и рогожъ, и вообразимъ, что здѣсь вдругъ вспыхнулъ огонь, или что хлынуло наводненіе, или что напали враги, не напомнить-ли въ этомъ общемъ бѣгствѣ нѣсколько разъ повторенное *vâ* ¹⁾ женщинамъ и дѣтямъ, чтобы они захватили свои рогожки? Не было-ли бы это восклицаніе равнозначущимъ съ нашимъ предложеніемъ „Рогожи, рогожи!“ Всякій логикъ знаетъ, что мы можемъ опредѣлять (predicate) только въ формѣ сужденія. Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что слова не имѣютъ никакого права на существованіе, если не составляютъ интегральныхъ частей сужденія, или, какъ выражаютъ эту же мысль нѣкоторые ученые, что сужденіе предшествовало отдѣльнымъ словамъ“.

Развивая эту мысль, Максъ Мюллеръ прибавляетъ (247): „Каждое имя и каждый глаголъ составляли первоначально сами по себѣ полное сужденіе, состоящее изъ подлежащаго и сказуемаго, было-ли это послѣднее выражено, какъ это обычно наблюдается въ арійскихъ языкахъ, или только подразумѣвалось, какъ въ китайскомъ. Такимъ образомъ *Luc-s* (латин. *lux*—свѣтъ) было первоначально настоящимъ сужденіемъ и означало *свѣтящій здѣсь*. Этого было достаточно на первый разъ. Подобно этому *luc-e-t* представляло собою полное сужденіе, и означало *онъ—свѣтящій*. Это не вызываетъ никакихъ сомнѣній, поскольку рѣчь идетъ о глаголахъ. Никто не задумается назвать *veni, vidi, vici* тремя независимыми сужденіями. Но какъ обстоитъ дѣло съ именами существитель-

¹⁾ По предположенію Макса Мюллера, слогъ *vâ* (нѣм. *weben*, англ. *weave*) могъ служить для обозначенія дѣйствія тканья, какъ *mâr*—тереть, шлифовать.

ными? Различіе между *man-u-s* (ман, человѣкъ) и *man-u-te* (думаетъ, thinks, санскритскія слова) сводится, въ сущности, къ различію между „думающій—онъ“ (thinking-he, there) „и „онъ—думающій“ (he-thinking). Въ послѣдней стадіи языка два сужденія: *Manus* и *Manute* „человѣкъ“ и „думаетъ“ слились въ одно, и это привело къ ошибочному предположенію, что *manus* и *manute* никогда не имѣли самостоятельнаго существованія, но были съ самаго начала составными частями предложенія“ (247). Доказать, что первоначальныя слова были предложеніями, было бы, пожалуй, проще и убѣдительнѣе на примѣрахъ изъ языковъ банту или сѣверноамериканскихъ, но Максъ Мюллеръ, какъ специалистъ по индійской филологіи, ограничился санскритомъ. Къ сожалѣнію, однако, онъ не развилъ намѣченныхъ точекъ зрѣнія на первоначальный характеръ словъ-предложеній и не сдѣлалъ изъ нихъ необходимыхъ выводовъ о происхожденіи языка, которые указывались уже Руссо. вмѣстѣ съ тѣмъ, Максъ Мюллеръ внесъ въ простую и ясную теорію Нуаре нѣкоторую запутанность, возвратившись почти къ своему первоначальному агностицизму въ вопросѣ о началѣ словъ. Какъ и въ своихъ „Лекціяхъ“, онъ опять настаиваетъ на томъ, что „безъ разума нѣтъ языка и безъ языка нѣтъ разума“¹⁾, и слѣдовательно опять остается чуждъ эволюціонной точкѣ зрѣнія. На вопросъ, какъ человѣкъ образовалъ слова, онъ даетъ теперь слѣдующій отвѣтъ: „На этотъ вопросъ можетъ дать отвѣтъ только наука о языкѣ, которая показываетъ намъ, какъ образуя слово *man-u-s* (человѣкъ), наши предки сочетали корень *man* (измѣрять, думать) въ его вторичной формѣ *man-u* съ указательнымъ элементомъ *s*, вслѣдствіе чего получилось не что иное, какъ „думать—здѣсь“ (think—there). Это было предложеніе, сначала частное предложеніе, способное однако къ тому, чтобы быть повторяемымъ и примѣняемымъ къ различнымъ индивидуумамъ, изъ которыхъ о каждомъ можно было сказать „думать—здѣсь“; такъ что оно сдѣлалось, естественнымъ образомъ, общимъ предложеніемъ. Слово *manu-s*, будучи повторено или, съ помощью сокращеннаго процесса, будучи взято во множественномъ числѣ, *manu-as*, должно было *ipso facto* превратиться въ общее выраженіе, но въ общее выраженіе, такъ сказать, второй степени. *Manu-s* въ единственномъ числѣ было уже общимъ выраженіемъ, такъ какъ оно служило предикатомъ въ дѣйствіи, которое ему приписывалось. Это былъ не простой знакъ, какъ бы прикрѣпленный къ одному лицу, не собственное имя, само по себѣ ничего не значущее, но предикатъ (a predicative name) и, какъ таковой, примѣнимый ко всѣмъ тѣмъ, которые обладали тѣмъ же самымъ атрибутомъ, или совершали то же самое дѣйствіе. Это было общее выраженіе первой степени“ (270). Такъ какъ и здѣсь Максъ Мюллеръ исходитъ изъ грамматическаго анализа

¹⁾ Эпиграфъ этой книги гласитъ: „No Reason without Language. No Language without Reason“.

одной индоевропейской формы (не говоря уже о томъ, что самый анализъ весьма далеко отъ совершенства), то ясно, что примѣнить его точку зрѣнія вообще къ происхожденію названій нельзя. Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ приходится признать, что знаменитый англійскій санскритологъ не далъ никакого положительнаго обогащенія нашего изученія тѣхъ данныхъ, которыя приводятъ къ разрѣшенію проблемы начала человѣческой рѣчи. Какъ мнѣ кажется, главная заслуга Макса Мюллера въ этой области заключается въ популяризаціи идей Нуаре.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ болѣе крупныхъ явленій въ области разсматриваемаго вопроса, я остановлюсь для полноты обзора на нѣсколькихъ изслѣдованіяхъ, появившихся въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Именно на этой эпохѣ я и закончилъ свой хронологическій обзоръ, изъ рамокъ котораго мнѣ пришлось выйти, чтобы дать оцѣнку взглядовъ Макса Мюллера на всемъ протяженіи ихъ эволюціи. Возвращаясь къ шестидесятымъ годамъ, я вкратцѣ изложу нѣсколько взглядовъ. Такъ, въ 1864 году выступилъ съ публичной лекціей о происхожденіи языка *I. ten Doornkaat-Koolman* ¹⁾, который развиваетъ безъ всякой оригинальности теорію восклицаній и звукоподражанія. „Въ звуковыхъ выраженіяхъ чувства или междометіяхъ заключается зародышъ взаимнаго пониманія, человѣческой рѣчи. Когда же, благодаря обозначенію одинаковыхъ чувствъ и ощущеній восклицаніями и звуками, для всѣхъ понятными, сдѣлалось возможно сообщеніе внутренней душевной жизни между людьми, тогда прирожденный всѣмъ одинаково инстинктъ подражанія вскорѣ привелъ къ дальнѣйшимъ результатамъ взаимнаго пониманія“. Эта точка зрѣнія, распространяемая въ публичныхъ лекціяхъ, представляла извѣстное благопріятное явленіе въ очищеніи совершенно ненаучной атмосферы, сложившейся около вопроса о происхожденіи языка, и потому брошюру Дурьката слѣдовало отмѣтить. Въ 1866 году появился этюдъ *Левенфельда* ²⁾, который поставилъ эпиграфомъ къ своей книжкѣ положеніе Якова Гримма: „Каждый звукъ получаетъ свое естественное содержаніе въ органѣ, который его вызвалъ“. Передъ нами, такимъ образомъ, теорія физиологическаго происхожденія языка. „Уже въ самой человѣческой натурѣ должно заключаться основаніе, почему люди дали ощущенію благополучія иное звуковое выраженіе, нежели ощущенію нерасположенія; почему они для общаго понятія *брать* стали употреблять другія слова, нежели для понятій *давать* или *ставить*. Основаніе это, по моему мнѣнію, заключается въ своеобразной *организациіи органовъ рѣчи*“. Уже эта цитата обнаруживаетъ, что авторъ бросается въ объятія своей

¹⁾ Die Sprache nach M. Carrière und Anderen. Vortrag, gehalten zu Norden im December 1864 von I. ten Doornkaat-Koolman. Zweite Auflage. 1866.

²⁾ Ueber den Ursprung der Sprache. Eine physiologisch-linguistische Studie von Dr. M. Schleis von Löwenfeld. München. 1866.

фантазіи; вообще же, его книжка представляет полный сумбуръ, нагроможденіе примѣровъ изъ индоевропейскихъ, семитическихъ и всякихъ другихъ языковъ и поразительные выводы, въ родѣ того, что „гортанные звуки *и* и *о*, небные *I, H, Ch, G, K*, и еще *M* должны означать въ корневыхъ словахъ нѣчто дружественное, понятіе дружескаго пріема“ и т. п.

Разумѣется, авторъ долженъ былъ предположить, что въ основѣ всего этого прихотливаго развитія должны лежать восклицанія, сопровождающія ощущенія и *волевыя побужденія* человѣка. Книжка Левенфельда при всей своей ненаучности имѣетъ тотъ интересъ, что обнаруживаетъ, на какія опасности наталкивается эта теорія восклицаній, если къ ней свести всѣ первоначальныя проявленія человѣческой рѣчи. Можно, конечно, быть осмотрительнѣе и не такъ давать волю своей фантазіи, какъ это сдѣлалъ упомянутый изслѣдователь, но существо дѣла отъ этого не измѣнится: междометія представляютъ сами по себѣ слишкомъ неблагодарный, слишкомъ ограниченный и неподвижный матеріаль для образованія словъ.

Въ слѣдующемъ 1867 году появилась книжка Рике¹⁾, который, выступая послѣдователемъ Макса Мюллера, связалъ проблему происхожденія языка съ вопросомъ о началѣ мифовъ и сагъ и все это вмѣстѣ призналъ матеріаломъ для изученія доисторическаго прошлаго Германіи. Точка зрѣнія автора въ достаточной мѣрѣ обнаруживается въ слѣдующихъ его положеніяхъ (Riecke. 95): „Изъ естественнаго звука *a!* *ахъ!* *ангъ,* *анх!* и т. д. образовались символы для обозначенія сотенъ понятій и представлений, и такъ мало по малу составилъ цѣлый словарь; съ помощью перенесенія символовъ чувственно воспринимаемыхъ вещей на невоспринимаемые чувствами понятія расширилась область языка, а также и представлений; *вавилонское столпотвореніе* вызвало въ жизнь саги и мифы“ и т. п. Все это говорить само за себя и въ дальнѣйшей характеристикѣ не нуждается.

Не стоитъ останавливаться также на эклектической теоріи Бурграфа, которая пробуетъ сочетать теорію восклицаній съ звукоподражательной²⁾, однако въ своихъ обоснованіяхъ лишена научнаго духа. Въ томъ же направленіи высказался въ 1868 году и извѣстный изслѣдователь южно-африканскихъ первобытныхъ народовъ, Бликъ³⁾, мнѣніе котораго заслуживаетъ большаго вниманія и именно вслѣдствіе того, что ему были извѣстны языки такихъ дикихъ народовъ, какъ бушмены

¹⁾ Ueber den Ursprung der Sprachen, Sagen und Mythen. Auch ein Beitrag zur Kenntniss der vorgeschichtlichen Zeit Deutschlands. Von Dr. Med. C. F. Riecke. Nordhausen. 1867.

²⁾ Burgraff. Principes de grammaire générale ou exposition raisonnée des éléments du langage. 1863. Sp. Regnaud. 95—95.

³⁾ W. I. H. Bleek. Ueber den Ursprung der Sprache. Weimar. 1866. Sp. Giesswein. 152.

Riecke

и кафры, и потому, что онъ могъ опираться на матеріаль, не просто выдуманный, какъ какой-нибудь Рике, но на дѣйствительно относящійся къ языкамъ наиболѣе некультурныхъ племень земли. На этомъ основаніи Бликъ могъ съ болѣшимъ правомъ утверждать, что первыя слова чело-вѣческой рѣчи походили на звѣриные крики, не допускали разложенія на составныя звуковыя части, представляя собой неартикулированные звуки, которые превратились лишь впоследствии въ слова вмѣстѣ съ другими звуками, первоначально производимыми не голосовыми органами чело-вѣка (какъ напр., хлопанье въ ладоши). Чтѣ именно имѣлъ въ виду Бликъ, допуская это послѣднее предположеніе, не трудно понять, если припом-нить о существованіи именно въ южноафриканскихъ языкахъ особыхъ при-щелкивающихъ звуковъ. Эти послѣдніе могли, какъ позволительно думать на основаніи предположенія выдающагося африканиста, восходить къ при-щелкиваніямъ, производимымъ сначала не языкомъ, но пальцами, или даже къ рукоплесканію. Если же допустить такое предположеніе, то теорія звукоподражанія находитъ себѣ въ немъ поддержку, ибо подража-ніе съ помощью звуковъ рѣчи инымъ звукамъ именно и лежитъ въ основаніи названой теоріи. Какъ мы выше видѣли, понятіе звукоподра-жанія получило уже въ шестидесятыхъ годахъ извѣстное распространеніе въ примѣненіи къ теоріи происхожденія языка изъ восклицаній. Въдѣ и са-мыя эти послѣднія могли послужить источниками для образованія прими-тивного словаря лишь въ томъ случаѣ, если восклицанія, произвольные рефлекторные крики, воспроизводились произвольно, цѣлесообразно, т. е. входили въ кругъ матеріала, добытаго путемъ подражанія пѣнію птицы, крикамъ звѣрей, шуму потоковъ и т. п.

Къ 1871 году относится нѣсколько сочиненій, о которыхъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть. Это, прежде всего, крупный и значительный по со-держанію трудъ Г. Гербера „Языкъ, какъ искусство“ („Die Sprache, als Kunst“), который вышелъ первымъ изданіемъ въ двухъ томахъ въ 1871 году и вторымъ, нѣсколько переработаннымъ, въ 1885.

Свой взглядъ на происхожденіе языка Герберъ формулируетъ въ положе-ніи: „Возникновеніе языка велѣдствіе взаимодействія звуковой способности (Lautvermögen) съ духомъ чело-вѣка, который, благодаря этому, достигаетъ своего развитія“. Въ дополненіе къ этому онъ прибавляетъ: „Только, соз-давая себя въ языкѣ, нашъ духъ становится дѣйствительностью“. Такимъ образомъ Герберъ примыкаетъ къ тому направленію, которое получило свое наиболѣе яркое выраженіе въ трудахъ В. Гумбольдта, и это имя, какъ и имена его послѣдователей, не сходитъ со страницъ сочиненія Гер-бера. Къ Гумбольдту же онъ примыкаетъ и въ своемъ утвержденіи, что рѣчь чело-вѣка начинается не со словъ, но съ предложеній ¹⁾. О „пред-

¹⁾ В. Гумбольдтъ: „Только связанная рѣчь должна разсматриваться, какъ первоначальное и истинное, во всѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя желаютъ

варительныхъ стадіяхъ“ въ созданіи рѣчи Герберъ высказывается въ томъ смыслѣ, что первоначальными произвольными выраженіями души служили „движенія тѣла и голосоваго органа“, которыя однако не могутъ быть признаны равными по своему значенію. „Чувство зрѣнія, на которое производятъ впечатлѣніе первыя (движенія тѣла), находится въ зависимости отъ явленія вещей въ пространствѣ, и если даже при дальнѣйшемъ развитіи этихъ отношеній пространственное воспринимается только, какъ приведенное въ движеніе дѣятельностью (durch die Action), или въ связи съ жестикуляціей и мимикой, и это получаетъ такой выразительный характеръ, что по движенію въ пространствѣ человѣкъ можетъ слѣдить за движеніями души и пытаться указывать на нихъ, то все-же самая конкретность вещества препятствуетъ всякому болѣе глубокому и существенному обозначенію его (съ помощью мимики и жеста). Точнѣе говоря, жестъ можетъ, пожалуй, живописать *покоющееся существованіе, но не приведенное въ движеніе* (ср. Лессингъ, въ „Лаокоонъ“). Если *видимый знакъ* долженъ изобразить *приведенную въ движеніе* психе (Psyche, душу), то онъ опирается на выраженіе этой послѣдней съ помощью языка, какъ это видно на примѣрѣ языка пальцевъ. Зато въ высшей степени совершенное воплощеніе душевныхъ движеній происходитъ въ звукѣ человѣческаго голоса. Если первое раздраженіе оказывается достаточно сильно для того, чтобы вызвать реакцію со стороны человѣческаго организма, то это происходитъ именно съ помощью звука, издаваемого голосовымъ органомъ, при чемъ этимъ путемъ возстанавливается (психическая) цѣльность тѣла, нарушенная колебаніями частей. Голосъ выбрасываетъ возбужденіе наружу и, благодаря этому, снова приводитъ въ состояніе покоя нарушенное единство организма. Въ отношеніи къ раздраженію человѣкъ оказывается по преимуществу воспринимающей средой, въ отношеніи къ звуку скорѣе дѣйствующей, такъ какъ въ „издаваніи звука первоначальнымъ факторомъ служатъ голосовыя связки, а не воздухъ“ (Ioh. Müller. Physiolog II. 231). Въ голосѣ организмъ обнаруживается, какъ одно цѣлое, такъ какъ звукъ является какъ бы краткою жизнью тѣла, въ которой вырывается (ausstrahlt) внутреннее качество его; поэтому-то звукъ не столько оказываетъ воздѣйствіе на отдѣльное чувство, сколько непосредственно задѣваетъ самое внутреннее чувство (die innerste Empfindung). Голосъ и слухъ соотвѣтствуютъ другъ другу“ (Die Sprache, als Kunst. I. 142—143). Какъ мы видимъ изъ приведенной цитаты, Герберъ пытался обосновать происхожденіе человѣческой рѣчи на

проникнуть въ живую сущность языка. Разложеніе на слова и правила представляютъ мертвую стряпню ученаго расчлененія“. Этотъ взглядъ обстоятельно развитъ Лео въ „Nominalistische Gedanken-späne, Reden und Aufsätze“.

такихъ глубинахъ психики, которыя почти уже ускользають отъ нашего наблюденія.

Звукъ обладаетъ инстинктивной силой воздѣйствія на духовный организмъ, и потому именно онъ сталъ выраженіемъ душевныхъ переживаній не только человѣка, но и нѣкоторыхъ животныхъ, какъ напр., птицы. Такимъ образомъ, по существу своему и взглядъ Гербера сводится къ теоріи происхожденія языка изъ восклицаній, для которой онъ только попытался найти глубокое философское и психологическое обоснованіе. Отъ восклицаній Герберъ переходитъ опять-таки по стопамъ многихъ изъ своихъ предшественниковъ къ звукоподражаніямъ, хотя онъ пытается и здѣсь внести нѣчто новое и свое. Съ ссылкой на Гейзе онъ высказываетъ свое убѣжденіе, что „именно въ періодъ восклицаній, выражающихъ ощущенія (bei den Empfindungslauten), а не въ стадіи уже артикулированнаго языка можно говорить о звукоподражаніи. Кажется весьма вѣроятнымъ, что человѣческой звукъ используетъ природу, проявляющую свои особенности именно въ томъ же матеріалѣ звуковъ; звукъ избирается ею не для называнія, такъ какъ для этого было бы необходимо содѣйствіе артикуляціи, но для болѣе точнаго обозначенія воспріятія“ (Gerber. I. 154).

Здѣсь Герберъ, какъ мы видимъ, мало оригиналенъ. Но ему принадлежитъ въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ точекъ зрѣнія довольно своеобразный и любопытный взглядъ. Именно, онъ считаетъ неправильнымъ видѣть въ тѣхъ первоначальныхъ восклицаніяхъ или звукоподражаніяхъ, которыя лежатъ въ основаніи человѣческой рѣчи, слова ея или даже корни рѣчи, изъ которыхъ возникло образованіе артикулированнаго языка. По мнѣнію Гербера (I. 174), здѣсь допускается логическій скачокъ. „Изъ этихъ звуковъ можетъ быть выведена только качественная сторона *матеріала*, но они не имѣютъ ничего общаго съ *формой*, т. е. съ артикуляціей корней и слова, и здѣсь именно обнаруживаетъ свою плодотворность понятіе *художественнаго творчества*, которое вводитъ въ кругъ психической дѣятельности опредѣленную новую силу человѣка и обнаруживаетъ ея дѣйствіе, освѣщая необъяснимое сравненіемъ съ извѣстными явленіями въ области искусства. Возможность начала художественной дѣятельности зависитъ отъ извѣстнаго господства надъ матеріаломъ. Поэтому, разнообразное употребленіе и достаточное развитіе звуковой способности должны предшествовать созданію артикулированнаго языка, при чемъ нельзя рѣшить, какъ должны быть разграничены въ хронологическомъ отношеніи описанные періоды звукового развитія. вмѣстѣ со звуками въ душу устремлялись образы, которые захватывали воображеніе. Но, навѣрное, въ теченіе долгаго времени это возбужденіе дѣятельности фантазіи ограничивалось только доставленіемъ матеріала (lange gewiss war diese Anregung nur stoffartig), и душа пребывала только въ состояніи періодическаго образнаго воспоминанія о внѣшнемъ мірѣ. Лишь послѣ того, какъ, благодаря

привычки, душа научилась свободно представлять себѣ эти образы, фантазія стала проявлять дѣятельность, позволяла себѣ развлеченіе и приобрѣла способность играть, забавляться этими образами, давать ихъ выраженіе въ звукѣ, *сама создавать* этотъ звукъ. Тогда ниспосланное Богомъ вдохновеніе дало (душѣ) смѣлость и стимулъ къ дальнѣйшему образованію; тогда разсудительность (мы должны сказать, бессознательная разсудительность) провѣрила (и въ тотъ же мигъ избрала) на моментальномъ содержаніи духовной жизни звуковой матеріалъ, который собрала, уже давно собирала природа, и такъ возникъ языковой корень, который носить въ себѣ столько же слѣды природы, матеріаломъ которой онъ пользуется, сколько слѣды свободы, которою этотъ корень обязанъ образующей формы фантазіи“. Это, какъ мнѣ кажется, важнѣйшее мѣсто въ сочиненіи Гербера, поскольку оно касается вопроса о происхожденіи языка, и на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Что имѣеть въ виду Герберъ, говоря о художественномъ созданіи корней рѣчи, творествѣ, основывающемъ свою дѣятельность на первоначальномъ междометномъ и звукоподражательномъ матеріалѣ, который человѣкъ собралъ бессознательно? Несомнѣнно, Герберъ имѣеть въ виду тотъ моментъ въ эволюціи человѣческаго интеллекта, когда бессознательное звуковое творчество превращается въ сознательное. До того времени человѣкъ накоплялъ только запасъ звуковъ, не понимая, что изъ этихъ звуковъ можно образовывать слова, теперь, и только теперь онъ началъ говорить. Откидывая такія непонятныя выраженія Гербера, какъ забавы души, которая будто бы играетъ образами, мы получимъ слѣдующія положенія: еще до возникновенія языка человѣкъ обладалъ уже значительнымъ запасомъ звуковъ, съ которыми ассоціировались его ощущенія, и которые восходили къ общимъ для всей этой первоначальной среды людей процессамъ восклицаній и звукоподражаній; когда эти звуки стали привычнымъ и общимъ достояніемъ массы, тогда они изолировались отъ образовъ, съ которыми были первоначально тѣсно связаны. Звуки превратились для человѣка, такимъ образомъ, въ его личное *выраженіе* душевныхъ состояній и стали служить матеріаломъ для образованія первыхъ *значущихъ* сами по себѣ словъ. Если можно изложить въ такомъ видѣ вышеприведенныя замѣчанія Гербера, представленныя въ довольно запутанной метафизической формѣ, то многое въ нихъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія. Дѣйствительно, періоду превращенія звуковъ въ слова долженъ былъ предшествовать продолжительный періодъ употребленія различныхъ звуковъ бессознательно. Этотъ процессъ долженъ былъ происходить, непременно, въ извѣстной социальной средѣ: прежде, чѣмъ слова обратились, такъ сказать, въ глубь человѣческой души, составивъ элементы внутренней рѣчи, они должны были вызывать инстинктивное пониманіе въ окружающихъ, благодаря преобладающему въ нихъ музыкальному элементу, или связываться съ

пониманіемъ вслѣдствіе однородности переживаній въ средѣ. Такимъ образомъ, сначала звуки, какъ инстинктивное разряженіе энергіи; потомъ звуки, вызывающіе бессознательное пониманіе въ окружающихъ, благодаря указаннымъ выше причинамъ; наконецъ, звуки, которые и для самого производящаго ихъ человѣка стали служить выраженіемъ его душевныхъ содержаній. Эти звуки явились теперь уже *сознанными словами*, элементами внутренней рѣчи. Таковы, какъ мнѣ кажется, основы научнаго разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка, которыя можно найти—хотя бы въ еще мало развитой формѣ—въ сочиненіи Гербера. Слова, какъ таковыя, дѣйствительно, являются продуктами художественнаго творчества, поэзіей, какъ утверждалъ Руссо.

Верберъ, брошюра котораго появилась въ томъ же 1871 году ¹⁾, былъ профессоромъ медицины, но интересовался и проблемами философіи и былъ хорошо знакомъ съ литературой вопроса о происхожденіи языка. Специальныя занятія его отразились на томъ положительномъ направленіи, которое онъ стремится дать разрѣшенію вопроса. Отрицая гипотезы божественнаго откровенія языка и инныя предположенія метафизическаго характера, онъ отказывается также стать на ту точку зрѣнія, которую отстаивала школа Дарвина, такъ какъ, „по самому своему существу и по даннымъ біологіи ни отдѣльный человѣкъ, ни весь человѣческій родъ никоимъ образомъ не могутъ быть приравнены къ животному“. Вообще, каждая изъ выставленныхъ теорій происхожденія языка страдает, по мнѣнію Вербера, крайностью и односторонностью, ибо „языкъ вытекаетъ изъ совокупности жизнедѣятельности человѣка и человѣческаго рода, изъ его ума, души, тѣла и всего физическаго организма“. Ихъ различныя взаимодействія и создали языкъ, при чемъ никакъ нельзя предположить, что люди заговорили сразу послѣ сотворенія своего, ибо это предположеніе противорѣчитъ общеустановленнымъ законамъ постепеннаго развитія культуры. Для разрѣшенія проблемы необходимо остановиться на языкѣ жестовъ, языкѣ звуковъ и языкѣ письма. Что касается перваго, то онъ наиболѣе примитивенъ и присущъ всѣмъ существамъ, одареннымъ духомъ и душой (Seele und Geist), такъ какъ „всѣ эти существа испытываютъ потребность сообщенія“. Хотя это послѣднее утверженіе не можетъ быть принято въ той формѣ, въ какую оно облечено Верберомъ, однако указанія его на инстинктивный характеръ языка жестовъ не лишены интереса. Вслѣдъ за языкомъ жестовъ идетъ въ общемъ ходъ человѣческой эволюціи языкъ звуковъ, die Lautsprache, который первоначально состоялъ изъ *гласныхъ звуковъ*. Это былъ „нѣбный языкъ (Gaumensprache), который болѣе легко и составляетъ основу для развитія согласныхъ. За это говоритъ рѣ-

¹⁾ W. J. A. Werber. Die Entstehung der menschlichen Sprache und ihre Fortbildung. 1871.

шительно то обстоятельство, что такой языкъ служить выраженіемъ радостныхъ и болѣзненныхъ эмоцій, которое или всецѣло состоитъ изъ гласныхъ, или же по преимуществу вокализировано. Далѣе, за это ручается незначительное число коренныхъ словъ во всѣхъ языкахъ, такъ какъ, по замѣчанію В. Ф. Гумбольдта, изъ немногихъ и при томъ простыхъ корней произошло множество разнообразныхъ значеній, и такъ какъ самъ нѣмецкій языкъ обладаетъ всего 600 коренныхъ словъ, изъ которыхъ происходитъ безконечное обиліе словъ; Поттъ принимаетъ для каждаго языка 1000 корней; корень содержитъ въ себѣ глагольные понятія; онъ выражаетъ какое-нибудь измѣненіе въ пространствѣ, движеніи или состояніи. Дальнѣйшее развитіе языка происходитъ съ помощью *согласныхъ*, которые производятся движеніями рта, особенно губъ. Соединенію гласныхъ съ согласными языкъ звуковъ обязанъ своимъ безконечнымъ богатствомъ; славянскіе языки особенно богаты согласными, и потому они такъ трудны для произношенія, тогда какъ языки, изобилующіе гласными, легче для произношенія и болѣе пѣвучи; таковъ напр., итальянскій языкъ“. Все это и спорно, и не оригинально, и заслуживаетъ вниманія только указаніе Вербера на гласный характеръ первоначальныхъ корней, что вполнѣ вѣроятно, хотя и можетъ быть принято лишь съ извѣстными ограниченіями въ томъ смыслѣ, что артикуляція первоначальныхъ звуковъ была очень неопредѣленна. О языкѣ письменъ, которому Верберъ также удѣляетъ вниманіе, я не буду распространяться, такъ какъ къ нашей проблемѣ онъ имѣетъ мало отношенія.

Съ огромнымъ двухтомнымъ сочиненіемъ выступилъ въ 1871 году англичанинъ Морганъ Каванагъ¹⁾, одинъ изъ яркихъ представителей миеологическаго направленія въ разрѣшеніи занимающаго насъ здѣсь вопроса. Онъ исходитъ изъ убѣжденія, что человѣку отъ природы языкъ не присущъ: такъ, не говорятъ одичавшіе люди, не говорятъ и рожденные глухими. „Но если люди не знали съ самаго начала (своего существованія) употребленія словъ, какъ могли они, будучи совершенно нѣмыми, передавать свои мысли другимъ“: задаетъ мудреный вопросъ авторъ, не замѣчая полной несостоятельности такой постановки вопроса. Отвѣтъ не менѣе простъ: они пользовались знаками. А дальше все уже катится, какъ по маслу. „Люди должны были, какъ мною уже указано—утверждаетъ Каванагъ—выражать свои идеи первоначально знаками, какъ это дѣлаютъ еще и теперь двое людей, не понимающіе языковъ другъ друга. А такъ какъ они должны были часто при взаимныхъ сношеніяхъ прибѣгать къ какому-нибудь неартикулированному звуку съ единственной цѣлью обратить вниманіе (собесѣдника) на то, что они старались изобразить знаками, то легко понять, что ихъ первое слово должно было создаться изъ знака,

1) „Origin of language and myths“, by Morgan Kavanagh. 1871.

который они дѣлали ртомъ. И если они хотѣли такимъ образомъ указать на солнце, то въ ихъ азбуку вошелъ такой звукъ, какъ *O* (затѣмъ іероглифъ)“. Изъ этого *O*, обозначавшаго бога солнца, и развились постепенно всѣ остальные звуки человѣческой рѣчи, какъ изъ культа солнца вся мифологія. Пылкая фантазія Каванага, по истинѣ, не знаетъ удержа, и сочиненіе его имѣетъ, конечно, значеніе только поучительнаго курьеза, только примѣра безудержнаго диллетантизма.

На почву науки мы возвращаемся въ 1875 году, когда вышли два труда: книга Уитнея о жизни языка и сочиненіе философа Марти о происхожденіи языка. Уитней, извѣстный американскій санскритологъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по древне-индійской филологіи, написалъ книгу „Жизнь языка“, которая выдержала рядъ изданій и была переведена на многіе европейскіе языки ¹⁾. Такимъ образомъ, передъ нами одинъ изъ авторитетнѣйшихъ ученыхъ. Вопросу о происхожденіи языка посвящена специальная глава, построенная на строго эволюціонныхъ принципахъ. Въ глазахъ Уитнея обладаніе языкомъ составляетъ часть человѣческой культуры, которая становится понятна для изслѣдователя лишь въ условіяхъ социальнаго развитія человѣчества. „Какъ бы низко ни стояло общество, оно все-таки будетъ всегда знать больше того, что можетъ узнать въ теченіе всей своей жизни наиболѣе одаренный отдѣльный человѣкъ, если онъ будетъ предоставленъ самому себѣ, и не подлежить сомнѣнію, что языка онъ не узнаетъ. Всякій пріобрѣтаетъ то, что случайность его мѣсторожденія положила на его пути; изъ этого каждый образуетъ исходный пунктъ для упражненія своихъ собственныхъ способностей, встрѣчая одновременно и противодѣйствіе, и поддержку со стороны своей среды, той среды, которую каждый отдѣльный человѣкъ обреченъ увеличить (*agrandir*) въ свою очередь. И это относится къ языку въ такой же мѣрѣ, какъ и ко всему остальному. Языкъ не можетъ быть обособленъ отъ другихъ человѣческихъ пріобрѣтеній; онъ не похожъ на другія знанія, но вѣдь и эти послѣднія также не похожи одно на другое“. Отсюда Уитней дѣлаетъ заключеніе, что каждый языкъ надо разсматривать какъ своего рода „институтъ“ (*institution*), одинъ изъ тѣхъ институтовъ, которые образуютъ въ каждомъ обществѣ цивилизацію. „Подобно тому, какъ всѣ другіе элементы культуры, языкъ варьируется у каждаго народа и даже у каждой особи. Существуютъ общества, въ которыхъ языкъ заключенъ въ границы расы; въ другихъ обществахъ онъ оказывается частью или цѣликомъ заимствованнымъ у сосѣднихъ расъ; ибо языкъ можетъ, какъ и всякая другая вещь, быть объектомъ обмѣна или импорта. Физическія черты расы могутъ быть переданы только вмѣстѣ съ кровью; но расовыя пріобрѣтенія, языкъ, религія, наука, могутъ быть заимствованы и предложены для заимствованія“. Эти

¹⁾ Я пользуюсь здѣсь французскимъ переводомъ: *La vie du langage*, par W. D. Whitney. 3 édition. 1880.

положенія, правильность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, рисуютъ каждый языкъ, какъ одинъ изъ продуктовъ человѣческаго творчества, но еще ничего не говорятъ о возникновеніи самаго перваго языка. Точно также правильно Уитней опредѣляетъ различіе между человѣческой рѣчью и тѣмъ, что называется языкомъ животныхъ: послѣдній инстинктивенъ, первый имѣетъ характеръ произвольный и условный. И даже въ фактахъ „ономатопѣи“ (звукоподражанія) мы находимъ между предметами и ихъ названіями не связь необходимости, но условное соединеніе. Переходя къ составнымъ элементамъ человѣческаго языка, Уитней указываетъ на важное значеніе мимики, интонаціи и жестикуляціи, но всѣ эти „естественные способы выраженія“ не выходятъ изъ сферы обозначенія чувствъ. Исторія языка начинается лишь съ того момента, когда выраженіе, служившее первоначально только цѣлямъ чувства, обращается къ интеллектуальной жизни человѣка. Значеніе этого факта было уже отмѣчено мною выше: дѣйствительно, лишь тогда, когда нормальное, а не слишкомъ возбужденное состояніе человѣка требуетъ своего выраженія въ звукахъ для *сознательнаго* обозначенія тѣхъ или другихъ содержаній сознанія, — лишь тогда возникаетъ рѣчь.

Соглашаясь до сихъ поръ съ Уитнеемъ, здѣсь я долженъ съ нимъ разстаться. Именно, никакъ нельзя согласиться, по моему мнѣнію, съ его предположеніемъ, что языкъ былъ созданъ стремленіемъ человѣка къ сообщенію (*le désir de la communication*). Именно, „это стремленіе замѣняетъ инстинктъ намѣреніемъ“. Впрочемъ, и здѣсь Уитней не сходитъ съ почвы эволюціонныхъ воззрѣній. Стремленіе сообщать явилось у человѣка не сразу въ ясной формѣ, но „по мѣрѣ того, какъ оно становилось болѣе отчетливымъ и пріобрѣтало самосознаніе, оно поднимало всевозможные способы выраженія надъ уровнемъ ихъ естественнаго основанія и превращало этотъ естественный способъ выраженія въ орудіе, способное, какъ таковое, къ расширенію своей дѣятельности и безконечному усовершенствованію. Тотъ, кто не считается съ этой силой (а такъ поступаютъ многіе), осужденъ на совершенное заблужденіе въ вопросахъ философіи языка. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ стремленіе къ сообщенію, тамъ не происходитъ творчества рѣчи“. Если стать на точку зрѣнія Уитнея, мы будемъ поставлены въ безвыходное положеніе: какъ человѣкъ, еще не знающій, что съ помощью звуковъ можно дѣлать сообщенія, проникнется стремленіемъ издавать звуки именно съ цѣлью сообщенія? Какъ бы ни объяснять зарожденіе этого стремленія, и какъ бы постепенно ни было его развитіе, во всякомъ случаѣ, не съ него начинается созданіе человѣческой рѣчи, а со взаимнаго пониманія извѣстныхъ звуковъ, которое и наталкиваетъ на желаніе производить эти звуки для того, чтобы ихъ поняли другіе.

Послѣ того, какъ языкъ становится средствомъ сознательнаго сообщенія мыслей, онъ пріобрѣтаетъ то значеніе въ развитіи духовной жизни

человѣчества, которое хорошо охарактеризовано Уитнеемъ. „Люди стремятся къ достиженію ближайшей цѣли, а находятъ гораздо больше того, что ожидали. Когда они отбивали свои первыя (каменные) орудія, они имѣли въ виду только то, что можно назвать низменнымъ назначеніемъ этихъ инструментовъ: удобство, безопасность, удовлетвореніе естественныхъ потребностей; но результатомъ этой работы явился фактъ подъема могущественныхъ способностей человѣка, подчиненія ему природы, фактъ такого освобожденія человѣка, которое дало ему возможность предаться болѣе возвышеннымъ исканіямъ и, наконецъ, фактъ раскрытія передъ нимъ физическихъ и нравственныхъ истинъ въ такомъ числѣ, что онъ совершенно потерялся отъ изумленія“. То же самое произошло и съ употребленіемъ языка, какъ средства сообщенія, которое дало необычно мощное развитіе умственнымъ способностямъ человѣка. Тѣмъ не менѣе, основная потребность сообщенія, которая составляетъ причину того, что мы говоримъ теперь, должна была, по убѣжденію Уитнея, создать языкъ. Онъ полагаетъ, вопреки тому, что намъ говоритъ психологія ребенка, будто бы „мы учимся нашему языку для того, чтобы намъ сообщали свѣдѣнія“. Уитней не чуждъ даже предположенія, что элементъ сознательности играетъ значительную роль въ образованіи языка. Сознаніе необходимости сохранять общепонятный языкъ налагаетъ, по его мнѣнію, узду на развитіе діалектовъ; это же сознаніе необходимости служить для всякаго, сознательно или безсознательно, правиломъ въ употребленіи такихъ словъ и фразъ, которыя оказываются понятными для окружающей среды. Такъ значителенъ въ представленіяхъ Уитнея о происхожденіи языка сознательный и волевой элементъ. Развивая свою теорію до ея крайнихъ логическихъ выводовъ, образецъ которыхъ былъ мною представленъ сейчасъ, Уитней обнаруживаетъ и ошибочность самаго основанія, ибо первоначальный языкъ не могъ служить удовлетворенію потребности сообщать свои мысли ближайшимъ лицамъ, какъ и теперь наши дѣти научаются говорить не для того, чтобы сообщать о своихъ желаніяхъ, а развитіе говоровъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ границахъ не ограничивается опасеніемъ, что при дальнѣйшемъ развитіи діалекта говорящіе на немъ станутъ непонятны для сосѣдей, а непосредственно зависятъ отъ характера и интенсивности междудіалектическихъ отношеній. Языкъ развивается въ соціальной средѣ, и ея требованіями опредѣляется направленіе этого развитія. Обращаясь къ элементамъ, изъ которыхъ былъ составленъ первоначальный языкъ, Уитней признаетъ исходнымъ пунктомъ его „естественные крики, которыми люди выражаютъ свои чувства, и съ помощью которыхъ они понимаютъ другъ друга. Это исходный пунктъ въ развитіи языка слышимого (audible), но мы не можемъ утверждать, что этимъ ограничивалось единственное или даже главное средство первоначальныхъ сообщеній между людьми. Жестъ и мимика такъ же естественны и такъ же понятны, какъ и крикъ, и въ

эпоху примитивнаго состоянія рѣчи видимые способы (сообщенія) могли въ теченіе долгаго времени преобладать передъ слышимыми для выраженія страсти. Но невозможно допустить, чтобы природа, давшая чело-вѣку голосъ, не побуждала его пользоваться этимъ послѣднимъ“. Такова отправная точка взглядовъ Уитнея, который признаетъ тремя основными и естественными способами выраженія жести, мимику и интонацію, что вполне согласуется съ изложеннымъ выше, въ соответствующихъ главахъ. Среди этихъ средствъ артикулированный голосъ лишь постепенно завоевалъ себѣ первое мѣсто, которое досталось ему въ результатъ извѣстнаго процесса борьбы за существованіе и естественнаго отбора. „Никакой мистической связи между аппаратомъ мысли и аппаратомъ рѣчи не существуетъ. За исключеніемъ криковъ и естественныхъ интонацій, вызванныхъ эмоціей (и не артикулированныхъ), мускулы гортани и рта оказываются нисколько не болѣе близкими для души, нежели тѣ произвольныя движенія, къ которымъ относятся жесты“. Въ доказательство этого американскій ученый ссылается на глухонѣмыхъ, но именно глухонѣмые свидѣтельствуютъ о наличности извѣстнаго инстинктивнаго языка, присущаго чело-вѣку. Достаточно напомнить изложенное выше о звукахъ, издаваемыхъ Лаурой Бриджменъ.

По мнѣнію Уитнея, наблюденіе за глухонѣмыми обнаруживаетъ значеніе жестикуляціи. Именно, „существуетъ естественное основаніе инстинктивной жестикуляціи, которая достаточна для того, чтобы внушить чело-вѣческому уму цѣлую систему видимыхъ знаковъ для намѣреннаго выраженія мысли... Вмѣстѣ съ тѣмъ, гортань и ротъ представляютъ мускульные органы, которые приводятся въ движеніе волей, какъ ею же движутся руки и ноги. Эти органы выполняютъ другія функціи, нежели функціи артикуляціи, и интонація, которую создаютъ голосовыя связки, служатъ не только для разговора“. Но на почвѣ интонаціи возникаетъ цѣлый рядъ знаковъ для намѣреннаго выраженія мысли,—знаковъ, воспринимаемыхъ слухомъ. Однако, далеко не все средства, представляемыя артикуляціей звуковъ, использованы языками. „Артикулированный языкъ используетъ лишь небольшую часть регистровъ голоса (голосовыхъ средствъ), и изъ всехъ звуковъ, которые онъ можетъ произвести, необходимо всего какихъ-нибудь двѣнадцать или пятнадцать для того, чтобы говорить. Подборъ этихъ 12 или 15 звуковъ не былъ опредѣленъ этнологическими причинами. Они были избраны случайно такъ же, какъ случайно были созданы языки, особенно открытые звуки, которые легки для произношенія и легко различаются одинъ отъ другого“¹⁾. Это замѣчаніе объ ограниченности зву-

¹⁾ Стоитъ сравнить съ этимъ постояннымъ подчеркиваніемъ (у Вербера, Уитнея и др.), что языкъ начинается съ наиболѣе легкаго произношенія, утвержденіе Есперсена (см. ниже), что самыя трудныя для произношенія сочетанія звуковъ были первичными. Повидимому, истина заклю-

ковъ, которое Уитней бросаетъ вскользь, заслуживаетъ вниманія уже потому, что отъ того или иного освѣщенія его зависить до нѣкоторой степени и разрѣшеніе вопроса о томъ, въ одномъ ли мѣстѣ и одинъ ли разъ возникъ языкъ, или намъ слѣдуетъ говорить не о происхожденіи языка, но о происхожденіи языковъ. Вѣдь если, дѣйствительно, изъ всей массы возможныхъ звуковъ человѣческой языкъ использовалъ ограниченное число, то отчего это произошло? Оттого, что языкъ былъ созданъ извѣстной группой лицъ, использовавшей лишь небольшое число звуковъ, или оттого, что лишь звуки, достаточно отчетливо артикулированные, звуки, такъ сказать, центральные въ извѣстномъ рядѣ отгѣнковъ, становятся возможны для языкового обихода? Какъ извѣстно, самые разнообразныя *k, n, m* и т. п. артикулируются нами, какъ это обнаруживаютъ данныя экспериментальной фонетики, но въ опредѣленныхъ границахъ эти отгѣнки не различаются ухомъ, и именно на несовершенство слуховыхъ органовъ слѣдуетъ возложить отвѣтственность за сравнительно небольшое число звуковъ человѣческой рѣчи. Однако, это число все же гораздо выше, чѣмъ указываетъ Уитней: множество отгѣнковъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ извѣстно въ языкахъ міра, и если бы всѣ ихъ собрать (именно, какъ звуки языковъ, воспринимаемые сознаниемъ, закрѣпляемые письмомъ, какъ звуки, а не отгѣнки произношенія), то получилась бы весьма многочисленная коллекція. Поэтому, взятый съ фонетической стороны языкъ представляетъ скорѣе продуктъ многихъ отдѣльныхъ и разрозненныхъ попытокъ создать рѣчь, нежели результатъ творчества одной ограниченной группы людей. Вернемся, однако, къ изложенію теоріи Уитнея.

Установивъ, что первоисточникомъ образованія рѣчи было „намѣренное воспроизведеніе естественныхъ криковъ, воспроизведеніе, которое имѣло цѣлью выразить нѣчто аналогичное чувствамъ или ощущеніямъ, произведшимъ эти крики“, Уитней отмѣчаетъ, что это не есть звукоподражаніе или ономотопея, но все же нѣчто столь близкое къ ней, что различіе оказывается болѣе теоретическимъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Мы представляемъ вполне допустимымъ предположеніе названнаго ученаго, что, „когда люди пріобрѣли сознаніе необходимости взаимно сообщаться, и начали дѣлать попытки для осуществленія этой цѣли, область подражанія расширилась. Такъ какъ цѣлью служило взаимное пониманіе, а средствомъ для этого были артикулированные звуки, то слышимыя вещи должны были первыя получить свое выраженіе, но если бы средство сообщенія было иное, то иными оказались бы и первыя представленныя вещи“. Область подражанія не ограничивается воспроизведеніемъ звуковъ, которые раздаются въ природѣ—продолжаетъ Уитней: звукоподражаніе охватывало

чается въ томъ, что понятіе о *трудности* совсѣмъ надо исключить изъ разсмотрѣнія первоначальныхъ звуковъ рѣчи: вѣдь не существуетъ эта трудность и для младенца въ періодъ лепета.

также быстрое или медленное движение и т. под. „Мы должны представить себѣ, что въ эпоху, когда человѣкъ еще *подыскивалъ слова* (опять представления о сознательномъ, намѣренномъ творествѣ словъ!), онъ долженъ былъ гораздо болѣе хвататься за аналогіи, которыя онъ хотѣлъ воплотить (въ словѣ), нежели это дѣлаемъ мы, обладающіе такимъ изобиліемъ выраженій для передачи всѣхъ идей“. Но звукоподражаніе представляло необходимый принципъ словообразованія лишь до тѣхъ поръ, пока не образовался достаточный запасъ словъ для образованія изъ нихъ всѣхъ нужныхъ выраженій съ помощью тѣхъ средствъ, которыя уже входятъ въ область изученія филологіи.

Первоначальные корни, полученные первобытнымъ языкомъ, не были ни глагольными, ни именными; они заключали въ себѣ и то и другое значеніе и представляли извѣстнаго рода абстракцію. Наоборотъ, іероглифическія изображенія начинаются съ конкретныхъ представленій и лишь отъ нихъ переходятъ къ отвлеченнымъ: такъ, въ китайскомъ языкѣ понятія *свѣтъ* и *свѣтитъ* изображаются соединеніемъ рисунковъ, представляющихъ солнце и мѣсяць. Совершенно справедливо и своевременно Уитней отмѣчаетъ, что въ самомъ характерѣ того орудія выраженія мысли, какимъ является слово, заключается абстрактное начало, отсутствующее въ другихъ способахъ выраженія. Для развитія мышленія этотъ отвлеченный характеръ языка имѣлъ чрезвычайно важное значеніе; только эмансипація отъ образа создала абстрактную мысль.

А. Марти ¹⁾, профессоръ философіи въ Черновиккомъ университетѣ, полагаетъ, что для выясненія проблемы происхожденія языка необходимо отвѣтить на слѣдующіе три вопроса: „1. Какъ, вообще, среди людей могли возникнуть сообщеніе (мыслей), взаимная передача свѣдѣній и откровеніе (Kundgabe) внутренней жизни? 2. Какъ могли выработаться средства, служившія для этой цѣли, до такой степени, чтобы превратиться въ артикулированный языкъ? 3. Какъ могло случиться, что именно звуковые знаки (die Lautzeichen) получили такое развитіе и примѣненіе?“ Первая глава книги посвящена вопросу о возникновеніи среди людей, вообще, средствъ взаимнаго сообщенія. „Для того, чтобы у какого-нибудь существа явилось намѣреніе сообщить другому о своей внутренней жизни, оно должно было знать что-нибудь о чужой психической жизни и о значеніи, которое она имѣетъ для его собственныхъ переживаній“. Это указаніе ставить вопросъ на правильную психологическую почву: сообщеніе должно преслѣдовать цѣль, если оно выходитъ за предѣлы чисто инстинктивной дѣятельности, и эта цѣль должна хотя бы смутно сознаваться. Пока этого нѣтъ, не можетъ существовать того, что мы называ-

¹⁾ Ueber Ursprung der Sprache von dr. Anton Marty. Würzburg 1875 (на обложкѣ 1876).

емъ языкомъ знаковъ. Какъ же объясняется возникновение такого пониманія Марти? Онъ констатируетъ, что и въ духовной жизни безъ языка, у дѣтей и у нѣкоторыхъ животныхъ, уже наблюдается фактъ пониманія извѣстныхъ знаковъ, что воспріятіе чего-либо по самой своей природѣ полагаетъ основаніе стремленію предполагать одинаковыя послѣдствія при одинаковыхъ условіяхъ. Уже у самаго первобытнаго человѣка такія воспріятія также не пропадали даромъ; они должны были привести къ тому, что „онъ уже кое-что предполагалъ, хотя немедленно или непосредственно и не узнавалъ послѣдствій. Какъ легко и быстро онъ пришелъ къ тому, чтобы предположить наличность какой-нибудь психической жизни, аналогичной его собственной, но не дающей ему никакихъ прямыхъ воспріятій, и чтобы захотѣть оказывать на нее вліянія, это зависитъ отъ того, какъ сложились самыя раннія условія существованія нашего рода“. Марти нарочно предполагаетъ самыя неблагоприятныя условія, въ которыхъ могло бы возникнуть это сознаніе.

„Первоначально, какъ и теперь, каждый человѣческій индивидуумъ былъ, навѣрное, организованъ такъ, что съ душевными возбужденіями у него связывались произвольныя физическія движенія разнаго рода, и онъ тотчасъ же приобрѣлъ способность дѣлать эти движенія и произвольно. Уже у дочеловѣческихъ животныхъ, которыя теорія естественнаго подбора представляетъ производителями человѣческаго рода, эта способность должна была существовать издавна“ (она присуща всеѣмъ высшимъ животнымъ организмамъ). Марти воображаетъ себѣ двухъ первобытныхъ людей, *A* и *B*, которые уже настолько развились, что приобрѣли способность владѣть членами своего тѣла и вмѣстѣ съ этимъ приобрѣли до нѣкоторой степени господство надъ внѣшнимъ міромъ. „Какъ завяжется между ними общеніе?“ спрашиваетъ Марти. Отвѣтъ автора въ кратцѣ сводится къ тому, что одинаковыя психическія состоянія, связывающіяся съ одинаковыми внѣшними выраженіями ихъ, образуютъ ассоціацію. „*A*, который чаще совершалъ съ извѣстными намѣреніями движенія и видѣлъ, какъ другія движенія возникаютъ у него независимо отъ его воли, въ нѣкоторыхъ душевныхъ состояніяхъ, соединить съ воспріятіемъ подобныхъ движеній у *B*, по уже образовавшейся у него привычкѣ, представленіе о соотвѣтствующихъ психическихъ явленіяхъ. Онъ предположить, что *B* испытываетъ радость, боль и т. д. и *намѣренно* выражаетъ ихъ во внѣшнемъ мірѣ (*in die Aussenwelt eingreift*), и такъ какъ онъ самъ переживаетъ пріятныя и непріятныя воздѣйствія со стороны этого внѣшняго міра, то онъ предположить при одинаковомъ положеніи *B* и при его аналогичномъ поведеніи, что и онъ испытываетъ такія воздѣйствія. И разъ у него укрѣпится привычка мыслить *B* (и каждый другой индивидуумъ подобный ему внѣшнимъ видомъ и обликомъ) по аналогіи самому себѣ, то такія предположенія (*Annahmen*) укрѣпятся у него очень быстро и крѣпко; безъ всякой

критики онъ будетъ предполагать свои собственные чувства при сходныхъ обстоятельствахъ и у *B* и ожидать отъ него такихъ поступковъ, какіе совершилъ бы онъ самъ, не вдумываясь въ особенности его положенія“. Марти справедливо указываетъ, что подобныя сужденія по аналогіи о чужихъ душевныхъ переживаніяхъ весьма присущи дѣтямъ и людямъ необразованнымъ, и что требуется даже большая умственная работа для того, чтобы не дѣлать такихъ заключеній о другихъ по себѣ. Этимъ указаніямъ Марти я склоненъ приписывать большое значеніе, какъ на видъ они ни просты, особенно если ихъ перенести въ область дѣятельности полового инстинкта, разгаръ котораго въ извѣстные періоды года вызывалъ усиленное возбужденіе органовъ рѣчи (въ смыслѣ пѣнія, крика и т. п.).¹⁾ Во всякомъ случаѣ, при разрѣшеніи общихъ вопросовъ культуры необходимо исходить изъ общечеловѣческихъ особенностей, присущихъ и дикарю, и культурному человѣку, и потому присущихъ человѣческому роду, какъ таковому.

И вотъ среди такихъ особенностей мы находимъ и неискоренимое стремленіе человѣчества судить о душевныхъ движеніяхъ людей по аналогіи того, что испытываетъ при извѣстныхъ переживаніяхъ каждый изъ насъ. Повидимому, это происходитъ отъ силы и быстроты ассоціацій у человѣка, и должно быть положено въ основаніе при объясненіи всякаго человѣческаго общенія, на какой бы почвѣ оно ни происходило. На этой же особенности человѣческой психики основана и способность людей подражать. Развивая далѣе свою теорію, Марти предполагаетъ, что его гипотетическіе *A* и *B*, научившись такъ полубезсознательно различать душевныя переживанія другъ друга, используютъ это познаніе съ цѣлью оказывать извѣстное вліяніе на чужую волю. „Если вліяніе *B* на *A* пріятно для послѣдняго, то онъ будетъ желать, чтобы его воздѣйствіе продолжалось; если непріятно, то чтобы оно прекратилось, а разъ онъ замѣчаетъ, что это происходитъ отъ произвола *B*, онъ постарается со своей стороны повліять на его волю“. Противъ этого положенія можно возразить то же самое, что я уже указывалъ выше, обсуждая теорію эмоціональнаго происхожденія языка, т. е. что для возникновенія послѣдняго необходимо предположить болѣе или менѣе спокойное состояніе сознанія, а не сильное возбужденіе. Да и самая постановка вопроса въ этой формѣ производитъ странное впечатленіе: точно не старается мышь убѣжать отъ кошки, или собака „повліять на волю“ другой, бросившейся на нее собаки. Признавая справедливость первыхъ замѣчаній Марти, я не могу никоимъ образомъ согласиться съ его дальнѣйшими положеніями о стремленіи человѣка, находящагося въ состояніи сильнаго возбужденія, оказать вліяніе на психику другого человѣка съ помощью звуковъ. Такое стремленіе можетъ

¹⁾ См. взгляды Заборовскаго, Есперсена и др. (ниже).

вытекать лишь из *познанія* дѣйствительности извѣстныхъ средствъ воздѣйствія, напр. изъ сознанія того, что криками можно отпугнуть врага, но познанія приобрѣтаются не въ такомъ состояніи интеллекта, когда онъ безудержно охваченъ чувствомъ или потрясенъ паническимъ ужасомъ, но въ такомъ, когда онъ спокойно созерцаетъ или отдается смѣнѣ не слишкомъ сильныхъ чувствъ. Какъ матеріаль для образованія языка, восклицанія, конечно, играютъ весьма важную роль,—и это показываютъ факты дѣтской психологіи,—но именно какъ матеріаль. Переходя къ другому вопросу, о формѣ сообщенія, т. е. о предпочтеніи звуковой формы всякой другой, Марти основывается на непосредственно понимаемыхъ восклицаніяхъ. „Пониманіе т. наз. условныхъ знаковъ, какъ это мы видимъ на примѣрахъ изъ исторіи языка, а также изъ исторіи письма и на нѣкоторыхъ жестахъ, должно начинаться съ того, что оно возникло изъ пониманія само собою разумѣющихся знаковъ. Средства перваго рудиментарнаго общенія принадлежали именно къ этому послѣднему разряду явленій. Если мы можемъ предположить, что число ихъ было значительно увеличено (сравнительно съ первобытнымъ состояніемъ), и если аналогія извѣстныхъ явленій позволить найти пути, на которыхъ они могли потерять свой первоначальный характеръ, тогда намъ станетъ въ значительной мѣрѣ понятно, какъ одинъ классъ, на использованіе котораго устремились съ особенной энергіей, могъ оказаться такъ богатъ условными элементами, какимъ явился языкъ звуковъ“ (Martu. 80). Этотъ процессъ обогащенія происходитъ, по мнѣнію Марти, съ которымъ я здѣсь согласенъ, съ помощью звукоподражанія въ широкомъ смыслѣ этого слова. „Чтобы составить себѣ полное представленіе о разностороннемъ примѣненіи подражательной дѣятельности, утверждаетъ Марти (82), слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ каждой изъ позицій, которую приобрѣлъ звукоподражающій звукъ по ассоціаціи смежности, дѣлались новыя завоеванія въ области аналогіи, и вокругъ завоеванныхъ пунктовъ снова могли группироваться ассоціаціи по смежности. Исторія языка показываетъ, какъ условные знаки, исходя изъ одного значенія, могутъ приобрѣтать неограниченное множество функций. Такое же развитіе Марти допускаетъ и въ области значеній, имѣющихъ первоначальное звукоподражательное происхожденіе. О способахъ распространенія этихъ значеній и о развитіи ихъ въ такой степени, чтобы они могли быть положены въ основаніе сужденій, и о возникновеніи синтаксическихъ выраженій въ языкѣ, Марти сообщаетъ рядъ интересныхъ соображеній, съ которыми отчасти можно было бы поспорить, но входить въ эту область я уже не могу здѣсь. Перехожу къ вопросу о звуковой сторонѣ языка. Марти указываетъ на различныя преимущества звукового выраженія мыслей и чувствъ передъ иными способами выраженія,—преимущества, которыя уже съ самаго начала (von Anfang. 128) дали звукамъ перевѣсъ передъ иными формами языка. Отчего же, однако, только человекъ оказался го-

ворящимъ существомъ, почему не говорятъ высшія животныя? На этотъ вопросъ Марти даетъ слѣдующіе отвѣты (Marty 148): во-первыхъ, органы ихъ менѣе пригодны для этой цѣли, чѣмъ органы человѣка (ср. ниже теорію Габелентца), а во-вторыхъ и главнымъ образомъ, у человѣка уже рано образовалось большее богатство содержаній, которыя могли быть сообщены, и развились болѣе сильныя и разносторонніе мотивы для того, чтобы стремиться къ сообщенію. Наконецъ, человѣкъ обладалъ искони и большей способностью сосредоточивать вниманіе на одной сторонѣ дѣйствія или образа или, иначе говоря, обнаружилъ способность, хотя бы и въ зародышѣ, къ отвлеченію, которой Марти не находитъ у высшихъ животныхъ. Именно поэтому они и не способны къ рѣчи.

Фр. Мюллеръ, имя котораго приходилось такъ часто цитировать въ главѣ, посвященной языкамъ дикарей, выступилъ въ 1876 году сторонникомъ теоріи эмоциональнаго происхожденія языка¹⁾. „Всякое новое умозрѣніе (Anschauung) новаго предмета вызывало новое ощущеніе у первобытнаго человѣка, а всякое новое ощущеніе обнаруживалось новымъ индивидуальнымъ звукомъ. Мы можемъ утверждать, что ни одно впечатлѣніе не было испытано, ни одно движеніе не было совершено безъ того, чтобы организмъ человѣка не отвѣчалъ на нихъ извѣстнымъ звукомъ“. Уже изъ этого извлеченія видно, что Фр. Мюллеръ оказывается, какъ теоретикъ, весьма слабъ и не представляетъ ничего новаго для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка. Поэтому, мы спокойно можемъ миновать его. Нѣсколько лѣтъ спустя парижскій полякъ Заборовскій²⁾ сдѣлалъ попытку связать съ эволюціонной теоріей Дарвина свой взглядъ на происхожденіе языка изъ междометій и звукоподражаній. Но здѣсь есть нѣчто новое, что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, хотя психологическая часть проблемы хромаетъ и у Заборовскаго. Вотъ резюмэ его взглядовъ: „Какъ животное, какъ, напр., *Cebus Aragaе*, котораго мы приводимъ здѣсь въ свѣдѣнствіе отсутствія наблюденій надъ высшими обезьянами, первобытный человѣкъ испускалъ простые крики, чтобы передать (*traduire*) свои волненія и сообщить о нихъ себѣ подобнымъ съ помощью движеній фізіономіи и членовъ, къ чему онъ прибѣгаетъ еще и теперь; эту мимику и жестикюляцію мы находимъ почти тождественными у шимпанзе“. Прерывая здѣсь изложеніе Заборовскаго, я отмѣчу, какъ слаба его психологическая мотивировка: уже обезьяны стремятся будто бы *передать* свои эмоціи другимъ обезьянамъ съ помощью криковъ, жестовъ и мимики, такъ что самая сущность проблемы, *какъ* возникло пониманіе цѣлесообразности знаковъ, отъ Заборовскаго ускользнула. „Когда социальное положеніе человѣка укрѣпилось, продолжаетъ онъ, когда группировка особей получила болѣе широкій характеръ, то взаимное сообщеніе идей сдѣ-

1) Въ первомъ томѣ Grundris der Sprachwissenschaft. 1876.

2) *Zaborowski*. L'origine du langage. 1879.

лалось болѣе необходимо и болѣе часто, и тогда человѣкъ умножилъ (a multiplié) свои эмоціональные крики и свои жесты“. Далѣе Заборовскій правильно подчеркиваетъ фактъ, о которомъ упоминали уже французскіе энциклопедисты, но который вполнѣ оставался незамѣченнымъ, именно фактъ неперемѣнно существовавшей связи между половымъ возбужденіемъ и началами рѣчи. Какъ доказываетъ Вестермаркъ въ своей исторіи человѣческаго брака, первобытный человѣкъ долженъ былъ имѣть періоды любви, какъ и другія животныя. Въ эти періоды поютъ птицы, кричатъ звѣри. Могъ-ли оставаться безмолвенъ и безгласенъ первобытный человѣкъ? „Въ это время, утверждаетъ Заборовскій, стремясь привлечь или очаровать другой полъ мелодичностью и разнообразіемъ испускаемыхъ имъ звуковъ или желая воспроизвести точно и полно все шумы и все крики, которые онъ слышалъ, или, что вѣроятнѣе, вслѣдствіе обѣихъ причинъ, человѣкъ придавъ своему голосу болѣе тонкіе оттѣнки и болѣе разнообразныя интонаціи. Но что такое эти крики, потерявшіе свою свирѣпость и свой характеръ звѣриной дикости, крики, лучше артикулированные и сопровождаемые большимъ богатствомъ тоновъ? Не что иное, какъ междометія. Эти междометія и подражательные звуки и шумы были первыми словами, первоосновой языка“. Какъ произошло превращеніе звѣриныхъ криковъ въ восклицанія, объ этомъ Заборовскій не говоритъ, едва ли не предполагая и въ этомъ случаѣ сознательной дѣятельности человѣка. Но мы, разумѣется, должны представлять себѣ этотъ процессъ, какъ длительный и бессознательный, какъ своего рода естественный подборъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что Заборовскимъ выдвинутъ весьма важный принципъ, связь рѣчи съ періодомъ половой жизни.

Первое изданіе книги Г. Пауля „Principien der Sprachgeschichte“ вышло въ 1881 году, и потому я посвящаю нѣсколько страницъ этой замѣчательной книгѣ здѣсь же, въ общемъ хронологическомъ порядкѣ. Пауль доказываетъ, что тѣ законы развитія языковъ, которые дѣйствуютъ въ продолженіе ихъ исторіи, должны быть примѣнены и къ началу этой эволюціи, къ вопросу о самомъ происхожденіи языка. „Вопросъ о происхожденіи языка можетъ получить свое разрѣшеніе лишь на основахъ изученія принциповъ языка. Иного отвѣта быть не можетъ“, утверждаетъ Пауль. Еще рѣшительнѣе онъ заявляетъ въ главѣ, посвященной „первотворчеству“ (Urschöpfung), что и въ современной физической и духовной натурѣ человѣка должны заключаться все тѣ условія, которыя были необходимы для первобытнаго творчества рѣчи. Если же теперь духовная организація человѣка достигла болѣе высокаго развитія, то отсюда слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что и эти условія, необходимыя для образованія рѣчи, приобрѣли теперь только болѣе совершенный характеръ. Это психо-

логическое обоснование, которое восходит въ концѣ концовъ къ положеніямъ В. Гумбольдта и Штейнтала, заставляетъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка изучать дѣйствующіе и нынѣ законы развитія рѣчи, т. е. переносить вопросъ на вполне реальную почву. Если мы теперь уже не изобрѣтаемъ новыхъ языковъ, новаго „языкового матеріала“, какъ выражается Пауль, то мы не дѣлаемъ этого потому, и только потому, что не испытываемъ никакой надобности въ этомъ. Однако, самый процессъ творчества отнюдь не прекратился и теперь: для этого стоитъ изучить только словарный составъ любого изъ народныхъ діалектовъ. Сущность же первотворчества заключается въ томъ, что извѣстная звуковая группа приводится въ связь съ группой представленій, которая и становится значеніемъ первой; но такое соединеніе должно произойти (разъ идетъ рѣчь о первотворествѣ) безъ посредства какой-нибудь родственной группы представленій, которая соединена съ той же самой звуковой группой (иначе можно говорить только о развитіи значеній этой послѣдней). „Такое первотворчество, говоритъ Г. Пауль, является прежде всего дѣломъ минуты, которое можетъ исчезнуть, не оставивъ послѣ себя никакихъ длительныхъ слѣдовъ. Для того же, чтобы отъ этого возникъ дѣйствительный языкъ, подобныя образованія должны произвести длительное психическое воздѣйствіе, вслѣдствіе чего и позже звукъ можетъ быть воспроизведенъ по ассоціаціи (gedächtnismässig) съ помощью звука. Далѣе, слово должно быть понято и другими индивидуумами и равнымъ образомъ воспроизведено ими“. Въ первотворествѣ рѣчи должно быть предположено непосредственное соединеніе предмета съ названіемъ, въ установленіи котораго Пауль приписываетъ значительную роль какъ жесту, такъ и одинаковости душевнаго состоянія двухъ лицъ.

Затѣмъ Пауль ссылается на развитое имъ ученіе объ общемъ (usuell) и случайномъ (casuell) употребленіи словъ. „Мы уже видѣли, что, обычно, въ языкѣ ничто не можетъ сдѣлаться общимъ (usuell), что не было бы создано самостоятельно (spontan) различными индивидуумами. Сюда же относится и то, что можетъ быть создано однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разное время самостоятельно, безъ содѣйствія памяти. Но если тотъ же самый звуковой комплексъ связывается въ разное время и разными лицами съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, то эта связь должна быть вызвана повсюду одинаковой причиной, которая должна заключаться въ самой природѣ звука и значенія, а не въ какомъ-нибудь случайно сопровождающемъ обстоятельствѣ. Можно допустить, что иногда пріобрѣтаетъ всеобщее распространеніе и такое соединеніе (звука со значеніемъ), которое было установлено всего одинъ разъ какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ. Но возможность такого случая ограничена опредѣленными границами. Если, напр., тотъ, кто придумываетъ впервые названіе для какого-нибудь предмета, былъ человѣкъ, открывшій или изобрѣвшій этотъ предметъ, такъ что